

Клуб N

Литературный альманах

Москва

«АНДЕРЛЕХТ-КОНСАЛТ»

Центр поэтической книги (при Русском ПЕН-центре)

2012

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)-5
К51

К51 Клуб N. *Литературный альманах*. – М.: ООО «АНДЕРЛЕХТ-КОНСАЛТ», Центр поэтической книги (при Русском ПЕН-центре), – 2012. – 112 с. – ил.
ISBN

Авторы альманаха сами по своему выбору предложили свои произведения для публикации, составителю осталось лишь дополнить его архивными материалами. Найдёт ли альманах своего читателя – бог весть. В нынешние времена читателей мало, впрочем, и не все те, кто пишет, – писатели.

Но настоящим читателям интересно должно быть прочесть такие произведения, которые «толстые» журналы и «большие» издатели не печатают. Независимая литература существует в независимых изданиях, продолжая лучшие традиции русского самиздата.

ББК 84(2Рос=Рус)-5

- © ООО «АНДЕРЛЕХТ-КОНСАЛТ», 2012
- © Центр поэтической книги (при Русском ПЕН-центре), 2012
- © Михайловская Т.Г., составление, 2012
- © Коллектив авторов, 2012
- © Галечьян В.А., Михайловская Т.Г., Осемян Л.О., обложка, 2012
- © Галечьян В.А. оформление заставок, 2012

Компьютерная вёрстка Осемян Л.О.

Сдано в набор 10.12.2011.

Подписано в печать 6.04.2012. Заказ № 747.

Бумага офсетная. Формат 60х84/16. Объем 7 п.л.

Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»

Москва, ул. Озерная, д. 46

Тел.: (495) 726-31-69; (495) 625-38-13

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 4

ЭХО

Валерий Сафранский. Памяти В. Бурича. *Стихи* 9

Б. Констриктор. Сон времени. *Стихи* 10

Эсфирь Коблер. О Володе Гершуни замолвите слово...

Воспоминания 10

Вилли Мельников. Дмитрию Е. Авалиани. *Стихи*... 25

Дмитрий Авалиани, Александр Лаврухин.

Совместный проект «Солнце» 27

Борис Колымагин. Д. Авалиани. *Стихотворение* 36

ПРИГЛАШЕННЫЕ ГОСТИ

Ры Никонова. 100 граммов. *Пьеса* 39

Андрей Тат. Стихи из книги «Полевой дневник,
или Фиалка в винном стакане» 44

СВОЯ ТРАЕКТОРИЯ

Валерий Галечьян. Поучения. *Стихи. Графика* 51

Наталья Осипова. *Стихи* 62

Татьяна Михайловская. Фракийская тетрадь. *Стихи* .. 64

Валерий Сафранский. Из реальности в реальность:

Германия. *Стихи* 74

Наталья Кузьмина. *Стихи* 82

Наталья Юлина. Золотые ворота и другие рассказы 90

Елена Твердислова. Два рассказа 101

От составителя

Что это за литературный жанр такой – «От составителя»? Не роман, не критика, не стихи, а так, одно недоразумение. Тоска и скука объяснять то, что одни и без тебя знают, а другим и знать ни к чему. И кто такой составитель, в конце концов, в чем его задача? Помнится, один из столпов самиздата Борис Иванов уподобил составителя «сборщику грибов, который не сеет и не поливает», а просто идет себе по лесу и собирает съедобные. Но это было провозглашено в тот период, когда в моде были «цветы», а не «грибы», когда путь от аллюзии до иллюзии не был пройден и самое страшное для составителя самиздатских сборников было хоть в чем-то ущемить святую авторскую волю. Но сейчас авторская воля много ли значит и для кого? И многих ли волнует контекст, в который попадает твой дивный авторский текст? Вопросов больше, чем ответов, поэтому, пожалуй, лучше оставить все эти рассуждения за скобками и начать заново.

Итак, альманах «Клуб N» – альманах Клуба N. Известно – во всяком случае, мне – что московская клубная эпоха в литературе закончилась десятилетие назад, отгремев вместе с лихими 90-ми. Когда-то, закрывая Георгиевский клуб, я сказала, что он выполнил свою общественную миссию, то, ради чего был создан: в период устного бытования словесности клуб заменял авторам доступ к печатному станку, позволяя быть в курсе работы коллег; теперь же (то есть в начале 2000-х) практически у всех есть книги и публикации в интернете, и потому литературная жизнь перешла в нормальное русло личных пристрастий и интересов.

В нынешние времена это еще более соответствует реальности. В нынешние времена клуб в его прежнем значении не существует. Даже авторы, не имеющие своих книг, – а такие все-таки есть, ведь не все видят смысл в бумажном издании и тем более за свой счет, – не особенно стремятся участвовать в клубной жизни, проявляя достаточное спокойствие к новым произведениям своих сотоварищей по цеху. На литературном горизонте всё ясно, «неопознанных явлений» не появляется. Разобраться бы с тем, что уже наворочено в предыдущие эпохи. Время теперь – весьма короткое – собирать камни, что означает: думать, оценивать и ценить. Клубы же давно

плавно эволюционировали в подвид литературных салонов и гостиных, где чинно проходят презентации книжных новинок, не отличимые от презентаций в библиотеках и книжных магазинах.

Так откуда тогда взялся Клуб N, кто его создал? Нет, никто его не создавал. Клуб N – это призрак прошлого, из которого он возник. Оказалось, что еще, как ни странно, остались люди, которым важно не просто дарить свои книжки друзьям и коллегам, – вон сколько подаренных стоит на полках! – но и творчески существовать в некотором литературном кругу, обмениваться планами, идеями и только что написанными строчками. И не в «живом журнале», не во всевозможных «контактах», а по-честному, отвечая за свои слова, вживую. Люди, которым важно что-то делать сообща, и альманах – самое верное свидетельство общего дела. «Пусть останется память о том, как мы встречались и слушали друг друга», – сказал Валерий Галечьян, буддист, визуалист, авангардист, автор увесистых томов и тоненьких книжек. Предложение было принято легко.

И вот альманах готов. Первая часть его – эхо прежней жизни, наши воспоминания, наш архив. Она так и называется – «Эхо». Эхом для нас звучат имена Владимира Бурича, Дмитрия Авалиани, Владимира Гершуни, А. Ника...

Вторая часть – гости Клуба. Если бы гости не жили в дальней дали, они бы непременно забегали в Клуб на огонек. Но, увы, Ры Никонова пребывает в Германии туманной, а петербуржец Андрей Тат еще дальше – где-то меж голливудских холмов затерялся. Но расстояние не причина не позвать их в гости. Наши люди.

Третья часть альманаха «Своя траектория» – это абсолютно разные, глубочайшие индивидуалисты, – как, впрочем и все авторы альманаха, – не соединимые ни в какое целое. Да, Клуб N призрак, фантом, но его участники – живые, действующие, каждый идет своим путем, точно снаряд летит по законам поэтической баллистики. И в броуновском движении, с которым можно сравнить современную поэзию, эта четкость цели дорогого стоит.

Альманах Клуб N выходит в свет. Будет ли он первым или станет первым и последним, неизвестно. И не стоит заглядывать в будущее, чтобы не вспугнуть лучшее в нем – его непредсказуемость.

Татьяна Михайловская

200

Валерий Сафранский

Памяти В. Бурича

1

после поминок
мы разошлись чужими
что же ты унес с собой

2

теперь
ты поймал ее в пробирку
так от чего
несвободна
свободная смерть

3

заглянул в окно
получил камнем в лоб
понял
здесь
меня никогда не было

4

всю жизнь думал о смерти
наконец решил
эта
моя

1994 г.

Б. Констриктор

СОН ВРЕМЕНИ

Памяти А. Ника

Увы

Стихи ушли, кораблики пустыни.
Я скрючилось за каменной стеной.
Язык немеет. Сердце стынет,
как старый сторож в проходной.

Неразрешимы все задачки.
Мозг подстригает ногти головы.
Сознание упало на карачки,
чтоб выдавить последнее увы.

Домовой

Какие атомы уходят от меня.
На место их придут другие.
Прощай материя-родня!
Теперь тут правят бал чужие...

Я сам себе уже не свой.
Во мне сменилась оболочка.
И лишь сознание-домовой
над я кудахчет, словно квочка.

Искусство паузы

Из горла вырвать все слова.
Из мозга вымести рассудок.
Прозрачной станет голова,
как промежуток.

Ни здесь – ни что. Ни кто – ни где.
Цепь оборвалась в я-капкане.
Мерцают звёзды в бороде.
Сознание тает на диване.

Утопия

Сознания девятый вал
о берег лобной кости бился.
Утопленник на дне лежал
и тишине своей дивился.

В башке молчание плыло,
как будто бы большая рыба.
Вдруг стало в черепе светло.
Сказало мозгу я: спасибо.

Сон времени

Мозг, наблюдая сам себя,
вступает в осень тика-така.

Не содрогаясь, не скорбя,
трусит сознания собака.

Вот прозвучал призывный свист,
и попирая все законы,

взлетает сна опавший лист
над темным золотом иконы.

сентябрь 2011 г.

Владимир Гершуни.
Карандашный набросок. (Неизвестный художник. 70-е гг.)
Из архива Э. Коблер

Эсфирь Коблер

О Володе Гершуни замолвите слово...

О Володе Гершуни сейчас много пишут, пишут люди, знавшие его лучше меня. Но я многим обязана ему, может быть, выжила только благодаря Володе.

Я окончила Университет в 1973 году, в самый разгар суловских гонений на евреев. На работу не брали, об аспирантуре и речи быть не могло. То, что Сулову не удалось сделать в 1953 году по приказу Сталина, доделывалось теперь. Связей у меня не было, образование гуманитарное. Так что – либо уезжать, либо полы мыть. Приходилось подрабатывать машинисткой и т.п. Я это называла «теле-скопом гвозди заколачивать».

Но вот недалеко от моего дома открыли новый грандиозный Дворец культуры Подшипникового завода, теперь это печально знаменитый Норд-Ост на улице Мельникова. Осенью 1974 года набирали персонал. Туда я и попала каким-то методистом. Кажется, была в десятке первых сотрудников. Работа дурацкая, но в руках нашей молодой команды оказался зал на 1200 мест. И мы придумали, как нам выжить. Создали так называемый «Университет культуры» – тогда это было модно. Факультеты были: кино, литература, музыка. А потому наша молодая команда, человек шесть, приглашали: Тарковского – он фильм «Андрей Рублев» представил, Вознесенского, Рождественского, Театр на Таганке, «Современник», устраивали ретроспективы фильмов Параджанова, Феллини... Нам дали карт-бланш, поскольку надо было Дворец окупить. К нам съезжалась вся интеллектуальная Москва. Билеты на огромный зал мы распределяли между собой и своим друзьям и знакомым отдавали. Такие показы и встречи тогда были только в закрытых небольших клубах, а тут – 1200 мест...

В основном у меня сложились деловые отношения с сотрудниками. В осветительской работала Света Панкова, жена художника Олега Панкова, я иногда заглядывала к ней, она была яркой женщиной и доброжелательным человеком. Как-то она пригласила меня к себе домой, и мне понравились работы ее мужа – Олега. Я стала часто бывать у них. А поздней осенью 1974 года из тюрьмы освобождился Володя Гершуни. Тогда мы и познакомились благодаря Светлане и Олегу.

Вот официальная биография Володи.

Гершуни Владимир Львович (18.03.1930, Москва – 19.09.1994, Москва). Племянник руководителя боевой организации эсеров Г.А.Гершуни (1870–1908). Детство провел в детском доме. Во время учебы в институте был арестован за участие в молодежной антисталинской группе. Осужден Особым совещанием по ст. 58 УК РСФСР на 10 лет лагерей. Срок отбывал в Степлаге, где познакомился с А. Солженицыным (в дальнейшем помогал ему в работе над “Архипелагом ГУЛАГ”). Освобожден в 1955.

Вращался в литературных кругах, где познакомился с авторами самиздата и будущими диссидентами (Г. Померанцем, А. Яковсоном).

В декабре 1965 принял участие в “митинге гласности” в защиту арестованных писателей А. Синявского и Ю. Даниэля.

В 1969 подписал ряд правозащитных документов, в том числе поддержал первое письмо Инициативной группы по защите прав человека в СССР (20.05.1969).

18.10.1969 был арестован. Обвинялся по ст. 190-1 УК РСФСР. В Бутырской тюрьме 55 дней держал голодовку, приуроченную ко Дню защиты прав человека (с 08.12.1970 по 31.01.1971). Психиатрической экспертизой в Институте им. Сербского был признан невменяемым. Определением Московского городского суда от 13.03.1970 направлен на принудительное лечение в спецпсихбольницу. Содержался в Орловской СПБ (Орел) (декабрь 1970 — апрель 1974). Подвергался искусственному кормлению и медикаментозному воздействию: инъекции аминазина и галоперидола. Феноменальная память позволила ему зафиксировать множество сведений о врачах и политических узниках в Орловской спецпсихбольнице, эту информацию ему удалось сообщить П. Григоренко во время случайной

встречи в Институте им. Сербского (опубликована в “Хронике текущих событий” (Вып. 19)). Затем переведен в психиатрическую больницу № 13 (Москва), откуда в октябре 1974 был выписан. Работал на жировом комбинате, в строительных организациях, сторожем.

Участвовал в работе молодежного литературного клуба “Воскресенье”, руководимого В. Абрамкиным. В 1976–1982 опубликовал под псевдонимом В. Львов более 200 материалов в московских газетах и журналах (статьи и заметки по фольклористике, лингвистике, книговедению, остроу и каламбуры).

С начала 1978 участвовал в сборе материалов для самиздатского литературно-публицистического журнала “Поиски”, с № 3 (октябрь 1978) вошел в его редколлегию. Вел в журнале литературный раздел, помещал свои авангардистские стихи и публицистику.

С 1978 — член Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ), в 1980–1982 — член редколлегии информационного бюллетеня СМОТ. В июле 1981 вошел в советскую секцию организации “Международная амнистия”.

Постоянно подвергался внесудебным преследованиям (домашние аресты, допросы, профилактические беседы). На время Московской Олимпиады (июль — август 1980) был помещен в психиатрическую больницу.

В третий раз арестован 17.06.1982. Ему было предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР, инкриминировалось участие в издании информационного бюллетеня СМОТ. Мосгорсуд определением от 12.04.1983 направил Гершуни в спецпсихбольницу. Содержался в спецпсихбольнице в Благовещенске, затем в г. Талгар Алма-Атинской области (до декабря 1987).

После освобождения занимался восстановлением памяти о забытых и репрессированных писателях и поэтах. Был постоянным сотрудником газеты “Экспресс-Хроника”, участвовал в литературной жизни Москвы, занимался лингвистикой (подготовил антологию “Русский мат”).

Похоронен на Востряковском кладбище.

Осенью 1974 года, выйдя из Орловской СПБ, Володя стал приходить в ДК на литературные встречи, театральные вечера, кине-

матографические показы. Натура поэтическая, художественная, но с ярко выраженным политическим темпераментом, который не помешал ему стать большим поэтом. Несмотря на все преследования, он старался наверстать все, что было упущено за годы лагерей и тюрем. Первый раз мы встретились в осветительской большого зала ДК. Небольшого роста, подвижный, с пронзительным взглядом, он производил неизгладимое впечатление благодаря своей неординарности, начитанности и духовному накалу личности.

Сначала в ДК, а потом у Панковых мы виделись довольно часто, потом Володя стал провожать меня по вечерам. Хоть и три остановки, но ночью после спектакля или фильма не хотелось идти одной. Муж в это время оставался с маленьким ребенком и встретить меня не мог. С Володей мне было бесконечно интересно, мы хорошо понимали друг друга. Володя открыл мне мир андеграундной культуры, оказалось, что таких, как я, пишущих в стол, – пол-Москвы. Когда через пару лет я разошлась с мужем и переехала в коммунальную квартиру, Володя заходил туда почти каждый день. Нас было три соседки: я с ребенком в одной комнате, в другой – вдова крупного партийного работника Лана Соломоновна, в третьей – нянечка детского сада Елена Васильевна. Обе старушки курили как паровозы, “наследие войны”, как они объясняли, а Елена Васильевна любила еще и крепко выпить. Володя жил недалеко от меня, в Текстильщиках, по дороге, если он не дежурил, всегда забегал к нам. А если он дежурил, я заходила к нему – он тогда работал сторожем в какой-то строительной организации на Таганке. Это было время поэтов-сторожей и художников-истопников. Не было дня, чтобы мы не виделись. Когда Володя заходил, я в 9 вечера укладывала дочку спать, а сама с Володей шла на кухню, тут же выползали обе соседки, и начинались бесконечные разговоры. Сначала, по заведенному ритуалу, слушали «вражьи голоса», потом обсуждали, много говорили. Говорил, в основном, Володя. Рассказывал о лагерях, о спецпсихушках, о людях, с которыми свела его судьба.

Мое преклонение перед Володей было таково, что я старалась рта не раскрывать, а больше слушать. Пожалуй, наше многолетнее общение походило на монолог, а не на диалог. Мой тогдашний опыт жизни не был сравним с его жизнью и страданиями. Даже близко. Его оценки людей были едкими и точными. Он, скажем, глубоко уважал Сахарова, ценил Купелева, но к Солженицыну относился,

как ученик, которого Учитель забыл. Например, когда много лет спустя, после очередной отсидки, из фонда Солженицына Володе прислали посылку с теплыми вещами, он как-то сурово, но при этом смущаясь, сказал: «Ну вот, вспомнили, удостоили». А ведь Гершуни так много сделал для солженицынского «Архипелага»! Кроме того, Володя попал в лагерь в первый раз, когда ему едва исполнилось 19 лет. Его учителями, составившими «первые университеты», были Солженицын и Копелев. Так что личные отношения были весьма близкими. Но когда каждый пошел своим путем, это “расставание” переживалось довольно болезненно.

Он многих «припечатывал», отзывался весьма едко. Помню, я однажды не выдержала и запищала, весьма инфантильно: «Как ты можешь! Ведь эти люди сидели с тобой, выходили на площадь, чтобы отстоять свободу. Чехословакия... свобода слова...» Ну и получила по первое число. Володя просто зарычал:

– Вот именно. Я-то знаю точно, кто из них на что способен!

Действительно, жизнь потом показала, куда дрейфовали Щеранский и Шафаревич, о. Дмитрий Дудко и Наталья Горбаневская, или, например, Глеб Павловский, о чем Володя говорил еще тогда, когда о Павловском никто слыхом не слыхивал, и многие другие. Все разбежались по своим идеологическим квартирам, как и предсказывал Володя. Его мемуары – удары не в бровь, а в глаз. Но тогда мне, обычному обывателю, все они, диссиденты, казались героями.

Особенно «припечатывал» Володя Наталью Горбаневскую. По разным причинам. Больше всего его бесили те, кто, выйдя на свободу, не по принуждению, как Солженицын, а добровольно стремились на Запад. Вот слова самого Володи. Беру его воспоминания, не решаясь воспроизводить давние разговоры.

«Кто-то спросит, почему я в иллюстративной части из всех эмигрантов особое внимание уделил Добровичу и Горбаневской. А еще вернее – именно ей, т.к. с первым все ясно... Да потому Горбаневская, что я ее знаю лучше всех других, о чем сказал выше, и меня ее осторожное молчание не обмануло. Но главное – она, в отличие от перечисленных и других, которых не упомяну, многократно присягала на верность России. У меня сохранилась вся наша бутырская переписка. Вот ее слова, повторенные, кажется, вслед за Ахматовой (или – под Ахматову): «Я не покину Россию, я хочу быть частицей голосовых связок ее полузадушенного горла,

когда это горло стонет и даже когда оно молчит». (Не ручаюсь лишь за знаки препинания — местами стерся карандашный текст.) Эту присягу она и после повторяла — даже тогда, когда потихоньку начала паковаться в дорогу. В Париж.

И еще одна причина. Подобно той дочке падшего вождя диссидентства, она возненавидела меня — и по той же причине. Выбравшись на свободу уже описанным способом — вылизыванием чекистских сапог (не только в период ее известности, но и в первый ее арест, когда, кроме слезного покаяния, она, в обмен на ее освобождение, написала донос на Леонида Черткова и еще одного товарища — они получили сроки), — оказавшись на свободе в жутком состоянии, раздавленная и растоптанная теми же сапогами, поклявшаяся им, сапогам, больше никогда не выступать, не «возникать», теперь она должна была любыми путями восстановить, сколько можно, ну хоть частицу бывшего престижа. Ее честолюбие жаждало сатисфакции, но свою драгоценную персону, свою свободу она не собиралась ставить на кон. Реставрировать престиж она решила с помощью надувательства всех и вся, а сатисфакции требовала не у тех, кто топтал сапогами ее амбиции, а у недавних коллег и товарищей, которые не дали себя топтать. Тут она превзошла дочку диссидентского кумира, которая лишь прыскала ядом в сторону нерастоптанных. Горбаневская же домогалась у нас, чтобы и мы спрыгнули в ту яму, где оказалась она сама. Не у всех, конечно, а у тех домогалась, кто казался ей доступнее. Она возмущалась, что семейство П. Григоренко жестокосердно поддерживает его бескомпромиссное поведение в спецпсихушке вместо того, чтобы склонять его к смягчению этой позиции. Со мной же — еще проще: полагая почему-то, что имеет влияние на меня, и чуть ли не авторитет (и это — после всего, что узнал я о ней за время после нашего бутырского общения!), она принялась бомбить меня письмами, настаивая на моей капитуляции. А письма читали гебисты оперчасти и врачи спецпсихушки. Она и им написала: «Граждане врачи!» — и предлагала себя им в помощники, по существу даже на роль загонщицы в их садистской охоте. Письма, адресованные мне, я вывез из Орла в 1974 г. Люди, побывавшие в спецпсихушках, прочитав, признавали их провокационными и равными доносам. Она словно боялась, как бы меня не выпустили без капитуляции. Ей всеми неправдами хотелось меня столкнуть, единодушно с чекистами, в яму, в которой оказалась сама».

Я, по темпераменту, интересам и взглядам, не входила в диссидентские круги, хотя и ненавидела советскую власть всей душой. Слишком она мне и моей семье испоганила жизнь. Слушая подобные речи Володи в адрес многих моих тогдашних кумиров, я не знала, что и думать, но не верить Володе не могла — он был слишком честен. У него был свой эталон правды. Володя прекрасно понимал, что на подвиги я не способна, никогда не просил подписать какое-либо очередное диссидентское письмо, поучаствовать в акции. Вообще, сразу прошу любителей клубнички заметить, что отношения наши были чисто дружеские и никогда не переходили в интимные. Как поется в старом романсе, «но наша нежность и наша дружба сильнее страсти, больше, чем любовь».

Именно благодаря Володе я пережила «скрытую безработицу», когда приходилось работать то методистом, то машинисткой, то Бог знает кем. Зато мы бывали на домашних выставках и концертах, на закрытых показах, где я познакомилась с Подрабинеком-старшим, отцом Александра и Кирилла, Антоновым-Овсенко-младшим, Валерием Абрамкиным, Татьяной Серegiной и многими другими. Благодаря Володе я нашла тот мир, который был мне интересен. На филфаке МГУ мы, конечно, читали классику, но, скажем, Андрей Платонов, а тем более, Солженицын были запрещены. Мы читали по ночам «тамиздат» и «самиздат», передавая книги из рук в руки. Теперь я была обеспечена книгами вроде «Архипелага ГУЛАГ». Для моей изболевшейся и изголодавшейся по правде души это был большой подарок судьбы. С 1974 по 1980 год продолжалось мое образование и воспитание души, и огромную роль в моем становлении, — а ведь я была уже взрослым человеком, много пережившим и много видевшим, — играл Володя. Мир, который он мне открыл, был больше, чем подполье. Он уходил за «железный занавес», он расширял границы знания и видения. Не только диссидентское искусство, но и вся предшествующая и современная философия тогда публиковалась только в специализированных журналах, а благодаря Володе все книги, которые мне были нужны, попадали в мои руки. Помню такие эпизоды. Володя принес Солженицына «Август 14-го». Я поехала к друзьям, и мы, несколько человек, по очереди всю ночь читали книгу. Или «Воспоминания» Надежды Яковлевны Мандельштам. Собрались у меня, и опять всю ночь передавали листки из рук в руки.

Для людей эпохи интернета и мобильных телефонов такие слова звучат как отголосок каменного века. И если сейчас избыток интернет-информации может извратить психику человека, то тогда таким извращением был недостаток информации или ее искажение. Но я была в привилегированном положении. Володя, с одной стороны, приносил все, что я просила, или что он считал нужным мне прочесть, а с другой стороны – огораживал меня, защищал, никогда не втягивал в диссидентские дела, понимая, что выдержать гэбэшные штучки мне будет не под силу. Да, Володя не просил подписывать правозащитные письма, не призывал участвовать в каких-то акциях, хотя я знала все, что происходило. Но когда нужно было сохранить архив или спрятать рукопись, – они хранились у меня.

Так продолжалось до 1980 года, когда Володю на время Олимпиады заперли в психушку. У меня сохранилось несколько записок, в которых он просит принести ему то книги, то журналы. Все друзья навещали его. Иногда приходилось сидеть в очереди, чтобы попасть на свидание к Володе.

Он был блестящим литератором. Новатором слова и прекрасным лингвистом. Но так получилось, что свой литературный талант он принес в жертву политическому темпераменту. Хотя в то время и занятие литературой было политикой.

Помню такой разговор, который в разных вариантах повторялся несколько раз. Он спрашивал меня:

– Как ты относишься к Маяковскому?

– Он, конечно, гений, его новаторский вклад в литературу неоспорим, – отвечала я. – Но он «не мой» человек. «В минуты жизни трудную» я, скорее, буду читать Пушкина, Блока, Пастернака...

– Но ты согласна, что он гений?

– Несомненно.

– Вот видишь, ты понимаешь, а наши «грезиденты» (диссиденты) ненавидят его. Видите ли, он восхвалял Ленина и большевиков.

– Какое отношение это имеет к литературе?

– Вот именно. Никакого.

И дальше начинал ругать «идиотов, которые путали литературу и политику».

Насколько я помню, Володя любил Маяковского, Сашу Черного, Хлебникова. Обладал обширными познаниями в фольклористике.

Когда в 1980 году я стала жить в отдельной квартире, а Володя вошел в редколлегию самиздатского журнала «Поиски» после «олимпийской» отсидки, то несколько номеров журнала собирались и верстались у меня дома. Дочка уходила в школу, я на работу. Володя приезжал, забирал ключи и занимался редакционным материалом. Однажды я решила попросить Володю напечатать мои работы в журнале. Не могу сказать, чтобы он был доволен, – преследовались все, кто участвовал в самиздате. Всё же он взял мои работы. Но мне не повезло, или повезло, не знаю. Обыски у Володи были постоянно. И вот, когда он взял мою повесть «Время разбрасывать камни» – ранняя работа – нагрянули гэбэшники. Володя сел на мои листочки и не вставал со стула все время обыска, как он мне рассказывал. Рассказывал и ругал меня. Потому что во время обыска «товарищи» воспользовались ситуацией и стянули у него пару редких книг. Надо сказать, что Володя жил очень бедно. Единственное его богатство заключалось в собрании редких, в том числе дореволюционных изданий. И пропажа книг была для него большим ударом. Второй раз, когда Володя захотел напечатать «Звезду Вифлеема», он, услышав характерный требовательный звонок, успел спрятать рукопись в морозилку. Потом, возвращая мне ее, сказал: «Не судьба». Действительно, все это было опубликовано много позже, хотя какая политическая каверза в литературных работах и философских эссе об эпохе первых христиан, понять невозможно. Но таков был менталитет власти. Тогда были тяжелые времена, а теперь подлые. Хрен редьки не слаще.

Под псевдонимом Владимир Львов Володя печатался, где только возможно. Печатал сверлибры, палиндромы, а уж позже мемуарески, хотя это малая часть того, что должно было бы составить его мемуары. Вот небольшой отрывок.

«Летом 1950 года в старинной омской тюрьме, в подвальной камере, во время одного из вечеров чтения и импровизации, о которых рассказано в «Архипелаге ГУЛАГ» и в «Записках Сологодина», я спародировал официальное хамжеское наименование наших концлагерей, заменив в нем три буквы, и подлинное определение этого классического творения марксистско-ленинской мысли, полученное взамен фарисейского, Исаич принял через много лет как заглавие третьей части «Архипелага». В лагере я придумал для гигиениального вождя титул каннибалиссимуса (см. в книге Анатолия Якобсона «Конец трагедии»).

До последнего ареста летом 1982 г. мне удалось опубликовать около 200 изобретенных слов (да больше 20 – других авторов) на 16-й странице «ЛГ» («Ашипки»), на юмористических страницах «Строительной газеты» и в других советских, самиздатских и зарубежных изданиях – и отдельными подборками, и внутри текстов (в «Юности» и журнале «Морской флот» – даже в заглавиях).

Почти все это теперь напечатано в интернете и в книгах. Все, кроме архива, который когда-то хранился у меня. После последний отсидки Володя забрал весь архив. А после его смерти сестры передали архив в РГГУ. Не знаю, сохранился ли он. Там много интересного. Володя талантливый литератор. Творчество его ждет своих исследователей и почитателей. Но я пишу не литературную статью, а личные воспоминания.

Последний раз Володю арестовали летом 1982 года. Мы успели только один раз обменяться письмами. Осенью 1982 года погибла моя мать, и больше года я была в невменяемом состоянии. Не помню, что было со мной в тот период. Но Володю я предупредила через общих знакомых, что не в состоянии ему писать. Я вообще не общалась ни с кем в это время. Автоматически ходила на работу, а вечерами перечитывала одну и ту же книгу рассказов Ивана Бунина «Темные аллеи». Бунин завораживал меня своим поэтическим ритмизированным стилем и холодно-объективным повествованием о страстях и переживаниях любви...

Володя вернулся в Москву в 1987 году. Мой второй муж, замечательный врач-экстрасенс помог ему привести здоровье в порядок после лагерей. Володя много рассказывал нам о «последней посадке» и о людях, которых он встречал в лагерях.

Вот отрывок из воспоминаний Гершуни об эдной из таких встреч.

«Летом 1985-го я встретил в Талгарской спецдухе Низаметдина Ахметова. Еще до нашего знакомства, за 7 лет, я прочитал его стихотворение о бронелобых и был потрясен. Впервые мне попалось стихотворение – эдакая словотворческая гроздь: бронетонны, бронбойни, танкотакты, бронепад... «В играх смерти, в танковерти...» Танкокоммунизм. За 7 лет мне не удалось ничего узнать об авторе («Свободу» не мог слушать, не имел транзистора), и я решил, что «Ахметов» – чья-то мистификация, наподобие «Абрама Терца». Легко догадаться, что я ощутил, встретив его – реального, живого, очкастого и молодежавого, досиживающего свой 18-й год. А было ему

тогда 36, и сидел с 18-ти без единой п а у з ы, хоть бы на день. И ему еще предстояли годы неволи – не помню сколько».

Я хорошо помню его восхищение личностью и стихами Ахметова. Во всяком случае, в те годы.

Володя по-прежнему часто бывал у нас, говорили о смысле бытия и вообще о предметах отвлеченных, но интересных. Они с мужем, правда, не спорили «на разрыв», пытаясь переубедить друг друга, что странно для Володи, а высказывали свои взгляды. Если Миша склонялся, скорее к буддизму, в его индийском варианте, рассуждал о Мировой энергии, о перерождениях души и так далее, то Володя, убежденный атеист, твердил о социальных и исторических парадигмах, а всякие там Высшие Сферы не признавал. Слушать их было очень интересно. Они еще сохраняли то искусство спора, которое совсем утрачено сейчас.

Все изменилось в 1990 году. С мужем мы разошлись, Володя весь был поглощен новыми реалиями жизни и подготовкой своей книги. Бывал у меня редко. Иногда мы перезванивались.

Вновь наше частое общение – правда, в основном, телефонное – началось летом 1994 года, когда я собралась поехать в гости в Израиль к сестре. Многие Володины друзья, по большей части диссиденты, уехали к тому времени в Израиль, и он просил позвонить им, связаться по разным вопросам.

Я попала на Святую Землю первый раз, вся была поглощена новым для меня ощущением, но Володину просьбу выполнила. Более того, возвращаясь, я везла ему вызов на правозащитную конференцию, куда его пригласили. К тому же, я намекнула организаторам, что Володя не сможет поехать за свой счет, поскольку живет очень скромно, и они составили договор на оплату проезда и гостиницы для него. Я была довольна.

В Москву я вернулась во второй декаде сентября. Самолет приземлился в 6 утра. Летели мы всю ночь, поэтому я весь день отсыпалась, а вечером позвонила университетской приятельнице, передать ей приветы и рассказать о поездке. Мы поболтали, потом я сказала:

– Сейчас позвоню Володе Герцуни, передам ему вызов на конференцию правозащитников.

На другом конце провода повисло странное молчание.

– В чем дело? – спросила я.

– Ты не смотрела девятичасовые новости?

– Нет. А должна была?

– Показывали похороны Володи.

Это был удар. Утром я позвонила сестрам Володи – Кларе Львовне и Розе Львовне. Они рассказали, что через неделю после моего отъезда Володю положили в больницу. Лейкемия. Володя сгорел за две недели. Лагеря, тюрьмы, спецсихушки не прошли даром.

Я попала только на поминки – 9 дней. Там были Володины друзья и родные. Милые, умные, интересные люди. Иных уж нет, а те – далече. Их время ушло, и они ушли вместе со временем.

Я больше никого из них не видела. А вот с Володей у меня была еще одна «встреча».

Летом 2000 года я отдыхала в санатории под Звенигородом. Рядом – Саввино-Сторожевский монастырь. Я там часто бывала. Особенно в будни, когда никого почти не было на службе. Так получилось, что в санатории у меня была отдельная комната, и я много писала. Сразу за территорией санатория начинался неглубокий овраг, по которому протекал ручей, а далее, на пригорке, стоял густой лес. Если сесть спиной к лесу, то впереди открывался огромный заливной луг, на котором паслись деревенские коровы. Такая вот идиллическая картина. Каждый день я ходила на этот пригорок, садилась на опушке, смотрела на луг и писала «Разговоры с Богом». Не знаю, что повлияло: тишина и одиночество, в котором я пребывала, или сосредоточенность на тексте и молитве, но однажды мне приснился сон. Мне приснилась темная комната, в которой находится Володя Гершуни. Постепенно лицо его освещается, как будто светом свечи, и он строго, как в жизни говорил со мной, требует:

– Пойди, поставь за меня свечку.

Я вскочила в 6 утра со странным чувством. Володя – убежденный атеист, революционер по натуре. И вдруг – пойти поставить свечку... Но голос был столь явный, приказ столь отчетливый... Я быстро оделась и поехала в Саввино-Сторожевский монастырь к началу службы. Каково же было мое удивление, когда я узнала, что то был День Святого Владимира. Свечу за упокой души я поставила.

Да, Володя не был верующим человеком. Земная жизнь казалась ему самой реальной. Но на земле он много страдал. Он прошел через ад на земле, поэтому я прошу кого-нибудь там, в Высших Сферах: «О Володе Гершуни замолвите слово...»

2011 г.

Вилли Мельников

Дмитрию Е. Авалиани

1.

Безопасмурно промелькивают обмелевшие проникновенности, календарями – бесполезвиями вскрывая себе мгновены, запечатлевая это на плёнку эшафотоаппарата. Забывшие про свой невозмутимидж преображертвы выбегают из рушащихся сахарных домиков, не успев прихватить соль, запасённую на случай приступа стигматизма. Слишком недоверчивы к ключам были окна, когда стены осознали себя пророкриками пространствий, устав спрягать их яды в Митридатальном падеже. И фиореневые отсверки неизбежево спаслись от желтизнанки туч, похожих на тропическую пустыню, – этот труп Нептундры, совершивший самозажжение в попытке рассеять полярную ночь.

2.

Ты – в поисках дождя
спасительных перил:
жар самоутвержда,
закатный жжет акрил.
Безимье мстит ветрам,
безумье льстит врачам.
Портреты вьют из рам
надсвечники к печам.
Прозрений почерк слеп, –
ты карам ссышь курсив
невстребованных треб,
невзветреножных грив.
Безвещье снов-вещей,
принести!
беспризрачье основ.
Прощение мощей

за то, что склеп не нов...

Но ты — судья ветвей:

их сучковатый смех

дискеты;

безлистья не мертвей: —

беличья ржав доспех!..

Смягчает ярость Феба,

ВенециАнды с неба

кто ищет Лунных дев,

единороглядев.

(октябрь 1997)

3.

Корабль не тонет: просто он спасает

подводное течение, что нырнуло,

забыв на берегу свой акваланг.

4.

Мелькающие на проспектах спины —

листки черновика для сочиненья

Поэмы о безлюдных переулках...

5.

Лицемерие, подлость, зазнайство и месть:

благодарность хочу вам с поклоном принести!

Столько раз рубцевали мне веру, что стали

для меня вы стократно слабее, чем есть.

6.

Храм — компьютер Господень; иконы —

алтарь — флэшка; священник — программист.

Прихожане зажигают всё новые восковые файлы —

и вот уже звонарь тянется к колоколообразной

клавише «enter»...

7.

Иммунитетом к своей боли мы обязаны

нежданным горестям — этим хирургам,

оперирующим без наркоза.

Дмитрий Авалиани, Александр Лаврухин

Совместный проект «Солнце»

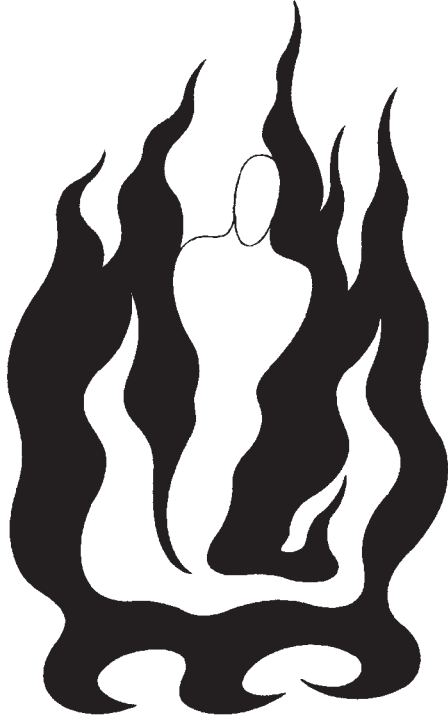

→ СОНУЕ
← ПАМЦЕС

СОНУЕ

CONVULSION

↑ CONVULSION
↓ CONVULSION

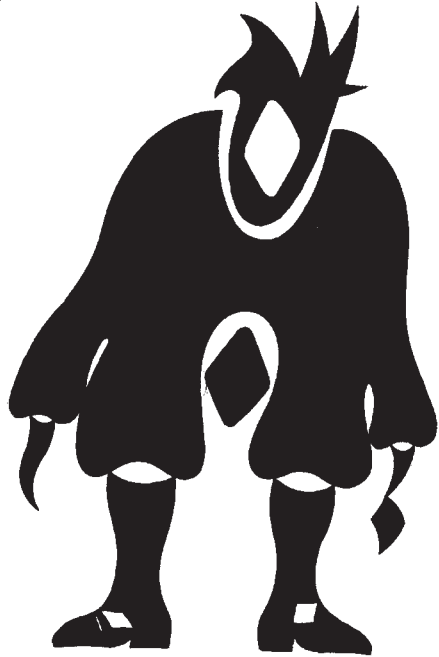
↑ ЖАРА
↓ СОҢҢЕ

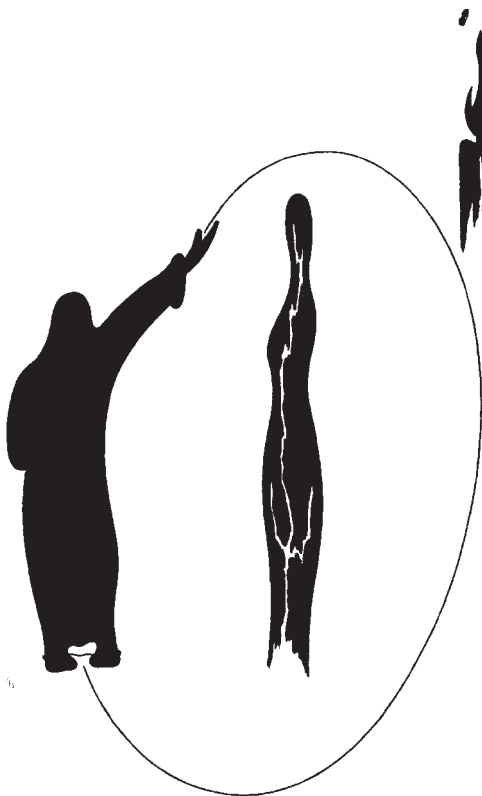
ЖАРА

СОЛНЦЕ
↑
ТЕПЛО
↓

МЕРЛОУ

«СОДНЬ»

→ СОДНЬ
← СУМПАК

СМЕРТЬ
← СМЕРТЬ
→ СМЕРТЬ

199

→ ЭПИЛОГ
← СОМНЕНИЕ

СНАЧУБ

↑ СНАЧУБ
↓ СНАЧУБ

Борис Колымагин

Д. Авалиани

Митя крутит стертые слова,
Разрывая оболочку смысла.
Прочитаешь: солнце и трава.
Повернешь листок – и зверя числа.
Митя бродит возле и вокруг.
Прочитаешь: Таня или Коля.
Повернешь листок и видишь: «друг»
Или «воля». Закорючек воля.
Митя сядет на воздушный шар,
Потеснит горбом седое небо
И уйдет – культуро-слово-вар,
Словно вовсе не летал и не был.
Но в кружение ночи, в час живой
Митина игра над головой.

приглашенные
Гости

Ры Никонова

100 ГРАММОВ

серийная пьеса на базе программы выступления

Действующие лица и морды:

Автор (Ры)

Михайловская – ассистент

Янечек – музыкант, славист

Сигей – поэт-художник

Д. Кузьмин – литератор

Кузьма Пожарский – народный герой

Продавец с ружьём

Лиля Блик

Шуршащий ассистент (бомж)

Терапевты (правого Полка)

Актёры

Слуги воплей (из публики) – хор

Гости пьесы – хор? (лорды)

100 американцев – хор?

Секретарь Генеральный Т.Е.

хор Терсихор

хор соседей

Коммунисты по периметру

кошка Цапиенс

соловьи

пчёлы

33 муравья и Батька Черномур

осёл Буридан

В шести отделениях, с финалом и занавесом

(по мотивам реального выступления Ры Никоновой

в Москве, в Музее Вадима Сидура в 1997 г.)

Итак, 12 действующих лиц, 2 действующих морды, 2 коллектива насекомых, 7 хоров.

53 пункта.

Место действия: сцена, которая то эшафот, то деревня Гадюкино.

I отделение

1. Автор в магазине. Покупает коньяк для пчёл, выпивает (с жестами) и жужжит стихи для пчёл (стихопчеления) на фоне чтения продавцом текста из любой газеты. Выходя из магазина, автор покупает ружьё у прохожего.
2. «Наказание кошке». Текст читает кошка Цапиенс. Дополнительные обертоны создают Слуги воплей из публики, с кружками пива на головах.
3. Вздохи и плевки хора соседей.
4. 33 муравья в форме трабарабанта маршируют вальс, оглядываясь на Батьку Черномура.
5. Текст на троих: автор, актёр (из публики) + секретарь Генеральный Т.Е., записывающий количественный результат – сколько и чего.
6. Поэзия для неграмотных (количество нот на рояле по количеству демонстрируемых пальцев). Результат фиксируется тов. Генеральным Т.Е.
Музыкальное сопровождение – Джеральд Янчек /США/.
7. «Стихи для танкистов» в жанре «бабах». Ассистенты роняют с грохотом книги и фразы.
8. Числовой прогноз, посвященный Сергею Сигею, валяющемуся на холмах из медалей, около раскладушки.
9. «Четыре слова для пьяных семиотиков» – по поводу английской королевы.
10. Символика улябок (в качестве эмоционального компонента), слева от лица товарищей.
11. «Для Вас 13 шагов» – измерительный дуэт с ассистентом, фиксирующим погоду.

Занавес в тучах.

Титры на груди.

2 отделение

12. «Дипломатический нонет», в замедленном темпе, с отвращением и бульканием.
13. «Стихи для засыпающих», мычание С. Сигея в Центре сцены (что-то о ценах).
Хохот ассистентки Михайловской.
14. «Плик для порубленных утопающих», из цикла «Герасимы для Му-Му».
(ассистентка переливание водяры из стакана в стакан сопровождает жестами отчаяния)
15. «Полутекст о деревне Гадюкино», фонетический минимализм.
Променад осла по диагонали сцены.
16. «16 поворотов головы, посвященных фараону Хаму». Секретарь Генеральный Т.Е. записывает количество голов.
17. «Косметические» акции для шеи тех, кому за 180.
18. Тексты для Буриданова осла (вправо и влево).
19. Девять позиций кляпа на лице пчелы + 9 рояльных позиций – сапогом по клавиатуре. Исполняет проф. Дж. Янечек, в темноте.

3 отделение

20. Салат из белой и нотной бумаги + жестовое ассорти + шуршащий бомж-ассистент.
21. «Санаторий для правого уха» (просьба к зрителям закрыть одно ухо и слушать автора односторонне).
22. «Злоббер для кулака» (тихий, но повсеместный стук).
23. «Четыре пункта молчания», в 4-х пунктах зрительного зала.
Михайловская ведёт учёт времени молчания.
Янечек читает свою статью о поэтах-трансфуристах «Отчёт о трансфуризме», Вена, 1987 (молча).
24. Моделирование в близлежащем к сцене пространстве отсутствующего на ней содержания.
25. Вздохи над текстом книги Жака Деррида и сопутствующими тексту обстоятельствами.

4 отделение

26. «Я помню чудное мгновенье...». Дыхание + «каденции», издаваемые крышкой рояля.
Дж. Янечек и ещё 100 американцев.
27. Кремация белой бумаги.
Сигей трепещет – на фоне фон бабочек.
28. «ГЗБГЗГ!!!», прорыв автора сквозь белую бумагу к клавиатуре рояля.
Гром несостоявшегося.
29. Рукопожатие (тактильные ощущения). Секретарь фиксирует количество рук у каждого.
30. Пустая сцена. Демонстрация кресла и нар, на которых сидел поэт...
бы, если бы ему разрешили.

5 отделение

31. Загибы фигуры актёра на свету. Коммунисты по периметру с вёслами, увитыми водорослями. Воздушные шарики с привязанными к ним кирпичами и лозунгами.
32. Брик-тактиль на тему Лили и её брака. Лили читает текст «для втирания в кожу и магнетической ауры головы», ставит печать в глаз. Реципиенты: Дмитрий Кузьмин и Кузьма Пожарский.
33. Разновысотность позиции хоров. Глубокий сон хористов в лежачем положении.
Автор пишет в карете с гербом скорой помощи на горизонте.
34. Реплики для правого уха летающих змей.
35. Согласные звуки для спинного мозга (или двух). Реципиенты: гости сцены.
36. Нервные реплики для психопатов с лорнетом. Менты растроганы и перевязаны.
37. Рассказ вернувшихся оттуда. За сценой: «Куда-куда Вы улетели?..»
38. Соло немых, ритм истерии, ритм истории.

6 отделение

39. «Любые звуки в честь полковника Малевича» (сотворчество с публикой, сплотившейся в квадрат. Некоторые сидят и гудят. Не люди, а соотечественники. Таблоиды).

40. «Тонна вопросов во время землетрясения». Горизонтальное прочтение (лёжа под столом) вертикально написанных фраз. Писк соловьев (седых).
41. Нарастание фонетической массы сопровождается интенсивным рваньём бумаги. У рояля – Михайловская и Сергей Сигей, жмут на педали.
42. Реплики с еврейским акцентом:
 чуть-чуть для Чука
 чуть-чуть для чукчи
 чик-чик для Гекубы
43. «Пепел Карла», посв. костям Шарля де Костера.
44. Из цикла «Эдельвейсы на рельсах» (15 вариантов одной реплики).
 Посв. СССР.
45. «Героиссимум» (на итало-испано-немецком языке, с ошибками).
46. «Пошёлк», музыка, извлекаемая плетью из барабана.
 Исполняет Дж. Янечек.
47. «Блин», на тему Пушкинского «Памятника». Выпекается в сердце, под присмотром терапевтов и хора Терпсихор.
48. «Гнусная голая гамма», лучевые реплики (все слова начинаются с буквы «Г»).
49. «Фламандское тру-ля-ля», около тюрьмы для коров.
50. Наблюдение («Не там сидели все...»)
 Хохот Янечека и Сигея, на полит-корректском.

Финал

51. Перечисление букв, пауз и лиц (морд), из коих составлялась пьеса.
52. Аэродинамическая подпись хора соседей в воздухе (ангелы).
53. Концертмейстерам подносят по 52 грамма клюквенного сока – в литровых бокалах.

*Заключительный выстрел из ружья – в заключительных лиц.
 Победа над солнцем на занавесе.*

1997-2011 гг.

Андрей Тат

Избранные стихи из книги
«Полевой дневник,
или Фиалка в винном стакане»
(1974–1986 гг.)

* * *

Обширные, яркие, красные гроздья рябины
Освещают пасмурную осень.
Капельки дождя дрожат на листьях.
И сейчас больше ничего не надо.
Пусть сейчас все так и останется.

* * *

Когда я шел по Большой Подъяческой улице,
С крыши дома кричала ворона не своим голосом.
Она кричала голосом Эдит Пиаф.

* * *

У лошади рыжее усталое лицо.
От него пахнет детством.
Вся телега от солнца серебрится.

* * *

Когда тебе грустно,
И скажут вдруг доброе слово, —
Ощущаешь себя одуванчиком.

* * *

В конце апреля
На оттаявший город
Выпал снег.
Прошла старуха под зонтиком.
Огромные пушистые хлопья
Летают, как бабочки.
Почему-то кажется,
что крыши доходных домов
Начнут по углам
Вверх загибаться,
А потом зацветет дикая слива,

* * *

Мышка крылатая,
Старенькая обезьянка!
Куда же ты летишь,
Ночная ласточка?

* * *

На берегу Петровского канала,
Недалеко от Шлиссельбургской крепости,
Красивые старухи
Безмятежно и ласково
Торгуют черной смородиной.

* * *

Мне сегодня приснился сноп льна.
Он летел над землей,
Как языческий дедушка,
И бормотал:
«Я лён, я лён, я лён».

* * *

Развели мосты.
Корабль заплакал дурным голосом.

* * *

Старая крыса седая
Живет у меня в мастерской.
Часто в часы ночные
Мы с ней беседы ведем.

* * *

Был я вчера в ломбарде,
Закладывал женскую шубу.
Сто рублей получил и доволен,
Две семьи будут нынче питаться.

* * *

Эти травы зеленые,
Эти осенью желтые травы...
Как печально порою,
Как печально зимою без вас.

* * *

Сегодня грущу
И слегка удивляюсь,
Что многое в жизни – уже.

* * *

Я цветок.
Сколько раз меня срывали?
Только я почему-то все не вяну.
Удивительно живучее растение.

* * *

Старушка бедная,
Убогая,
Угрюмая,
Стремит свой челн
Каналом Грибоедова,
Бутылки собирая опустевшие.

* * *

Проснулся под столом.
Рукой потрогал лоб.
Жизнь теплится.
Да здравствует свобода!

* * *

Грязные ромашки вдоль железной дороги.
На рельсах нежится Анна Каренина.

* * *

Такое состояние внутри,
Как будто бы Мрачок и Безнадёга
Пьют чай зеленый из пиал
На Львином мостике.

* * *

Алюминевые ложки,
Алюминевые кружки,
Здравствуйте, доктор!

* * *

Мой врач – замечательный доктор.
Все хорошо понимает.

Глаза его очень умные,
И говорить он умеет.

* * *

Есть цветочки-камнеломки,
Прошибают лбами камни.
Вот бы мне такой букетик
Впереди себя нести.

* * *

— Что ты ищешь в этой жизни кроме счастья?
— Я и счастья не ищу в ней никакого.
— Так чего же ты живешь, скажи на милость?
— А я вовсе не живу, но проживаю.

* * *

Трудно звездам,
На землю упавшим,
В тот же час
Воспарить к небесам.
В телеса
Воплощаться приходится,
Предаваясь бесплотным мечтам.

* * *

Домой,
К друзьям и близким
В небеса!
Наскучил
Затянувшийся визит.
Пообносились даже телеса,
В которые облекся лишь на миг.

свои

права

Валерий Галечьян

ВХОЖДЕНИЕ В ДВЕРИ НЕДВОЙСТВЕННОГО

не истощенное

исчерпано полностью

поучения вималакирти

постоянно

цел
о
у мудренный

мастер метода вималакирти

публичные дома

питейные

игорные заведения

посещал

рв

падших

радости учения

пр

е даваясь

н

порокам

примером тысячам служил

об истинном погружении

не к дереву в глуши

и

прпав

о

из трех миров

остаться

пояснение махамаудгальяне

учения объяснение

условное выражение

встреча с махашьяпой на улице бедняков

подавание осмысленное

полезно

бес

при различении существ

подавание субхути

правилен того

р
постиг

кто равенство вещей

об обучении новичков

по уму
поучай
прежние существования
способности монахов
с
не уравнивай

о природе вещей

что
ни
нигде
не у тихо миривается
это успокоения идея

о божественных глазах

миров
гибель
пере^{рождения}
существ
видит божественный глаз
обусловленный
не
не видит этого ничего

о падении монахов

в уме
не в поступке
пад^{ение}
леч

об удалении от мира

от мира
у дал^{ение}
ч
не в сангхе сидение

о болезни в теле тахтагаты

тело тахтагаты

когда

частно

при

недо п

м р

о

г пит

а

нию

о просветлении

прошлого

нового

жд ения

ро светл

уже

еще

нет

о значении слова «бодхиманда»

в бодхиманде

не сливки снимают

вскрывают просветления сердцевину

заблуждение джагадитхиры

в своем

ж л

и ище

гр

двенадцати тысяч дочерей богов

джагадитхира наблюдал

владыку богов привечал

мару ап я

п и са

р кра

шатакрату

вималакирти лишил без возврата

в дев радость учения

вдо

хнул

стру

а
мар
кош ом

превращения плясуний
по вержен
д

неиссякаемым светильником
вечному испытанию

о жертвенном даре

великий жертвенный дар
вовремя преподанное учение
не вещей жар

невосприятие

о соб енного
бо л
нет

о полном освобождении

обеспокоенному
отсутствием в доме стульев шарипутре
утром
объяснил вималакирти разницу между
ч

у ением
блаж

зада

32000 наилучших львиных тронов

мгновенно

по ставил
рас

в комнатушке привольно
взгромоздаться на высоту горной вершины
оказалось сложно довольно

богиня

божественное
сущ е ство
сте

свое женское
двенадцать лет искало
с шарипутрой тела обменяло
обликом в богиню преображенный
женщиной себя не признал
ничего не подсказал

о роде тахтагаты

и
не дет
ж
не с то ит
пеш

о происках мары

беспокойства

лени

х
кош мары

л
за етают

м

соблазны разны

в грязи

топи

о
пр растешь
и

на других в реализации

по
ложишься
раз

истина и ложь

истину

во

не увидеть

глазом не познать

различие метода

в высшем благоухании благовоний
гандхакута учит сладкими запахами дерев
ит
п ая
уг
шакьямуни наставляет

дар учения

существуют страны
деяния будды
совершаются в которых
неописанием
неговорением
неназыванием
неуказанием
сентябрь 2011 г.

Поучительные примеры

восприятие сунаккхата

несущие удовольствие
восхитительные
небесные образы
сунаккхата наблюдал
но столь же приятных
несущих удовольствие
восхитительных
небесных звуков
не ^в
никая
про
сосредоточением
не слышал
ни в одной стороне

львиный рык

рычит отшельник готама на собраниях
заблуждения

го
раз няет
ьяс

истинный путь
обнаженный аскет

а с а
к с ап
о ол о

встав в сторонке
обретает странничества плод

пр и н венно
он к
т

портрет

всюду направляясь
всегда всем удовлетворенный
все свое добро монах несет с собой

приглашение брахмы

баха брахма
играл с готамой в прятки
запутался прячась на грядке
благословенным

с у
за т канный
ю

на голос соперника озирался
ставший невидимым
будда не попадался

развитие чувств

завязывая глаза
затыкая уши
безуспешно учил уттару
брахман парасивия
безмятежному наблюдению

маллика

Мудрый Косала спросил у супруги:

– Есть ли для тебя кто-либо дороже, чем ты сама?

– Нет, ваше величество, – царица Малика лик не нахмурила ни на миг.

– И для меня нет никого, чем я сам дороже тоже, – ни одна морщинка не колыхнулась на царской коже.

Ни в каких направлениях Самый Почитаемый не нашел никого, кто был бы тому дороже себя самого.

верх знамени

Глава богов Шакра иногда робок, боязлив, труслив и склонен удрать.

Под его знаменем страх, столбняк, мороз по коже не каждый раз отпускают рать.

живущий в уединении

даже в безлюдных
дремучих лесах
органами чувств
очарованный монах
в обществе живет

болезнь

тяжко больной маха кассапа
правильно преподанные
семь факторов на пути к пробуждению
прослушал
поправился
покушал

ливень

пастуха дханью хозяйство
кр
епко
ц
за ним
и
след т
уе
правилам поведения
защищенный
дождя не боится
но е ег
об р ается
ащ
к великому пустынноку
кто е т сынов
е стада
и радость от них и м тогда
улыбается лукавый мара
у кого их нет
и заботы
у того нет
отвечает совершенный
у очага с потухшим огнем
в непокрытом крышей жилище

брахман каси-бхарадваджа

совершенного доля не упряжь в поле

время – семя

мудрость – плуг

вспахав и посеяв я сыт –

произнес каси-бхарадваджа

отставил странник готама поднесенную золотую чашу
забрызгало

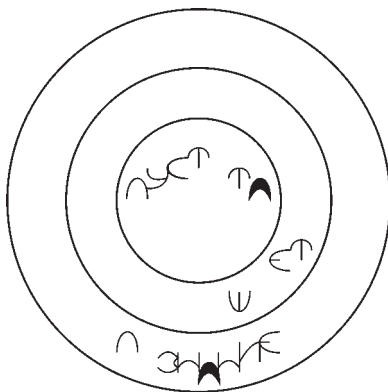
зашипело

задымилось

рисовое молоко клубами в реке

засверкало сияние вдалеке

28 октября 2010 – 23 января 2011 г.

пустота познания

Наталья Осипова

* * *

изогнутые
как ялтинский прибой
ступени
центральный марш
школьная лестница
трехметровый Ленин
на первой площадке
между двумя окнами
от пола до потолка
за ними улица
взбежать
сразу на три этажа
туда
где маленькая дверь на чердак
заперта большим замком
взбежать
пока там внизу
словно ангелы
по лестнице
поднимаются и спускаются
одноклассники и учителя
некоторые любимые
некоторых давно нет

* * *

Кампо де Фьори
ночью возле кафе
спиной чувствуешь тепло
огромной в рост человека
газовой горелки

сгущающей
тень от памятника
темный капюшон Джордано
сожженного здесь на площади
напоминает треугольную стаю птиц
кружащую днем над промокшими
от внезапного ливня навесами
мелькающую в окнах палаццо
пока гид по-французски
говорит о символике единорога
написанного там над дверью
художником Карраччи
умершим от нищеты

* * *

с воздуха Рим
утром похож на мозаику
вечером на витраж
на изображение
внятное
но ускользящее
раньше чем самолет
успевает взлететь
или приземлиться

* * *

на пустом пляже
сбросил кожу цунами
чешуйки машин

Татьяна Михайловская

фракийская тетрадь

** **

Над морем

Над морем свободно

Над морем свободно гуляет Юпитер

Над морем свободно гуляет Юпитер бросив огрызок

Над морем свободно гуляет Юпитер бросив огрызок алмазный

Над морем свободно гуляет Юпитер бросив огрызок алмазный с усмешкой

Над морем свободно гуляет Юпитер бросив огрызок алмазный с усмешкой Ньютону “Лови!”

** **

Литос

Литос влит в форму

Литос влит в форму земли

Литос влит в форму земли горячей

Литос влит в форму земли горячей синим огнем

Литос влит в форму земли горячей синим огнем в пространстве

Литос влит в форму земли горячей синим огнем в пространстве времени

Литос влит в форму земли горячей синим огнем в пространстве времени ноль

** ** *

Лихая Артемис
Лихая Артемис далеко
Лихая Артемис далеко мчится
Лихая Артемис далеко мчится в горах
Лихая Артемис далеко мчится в горах ослепля копьём
Лихая Артемис далеко мчится в горах ослепля копьём заглядывшегося
Лихая Артемис далеко мчится в горах ослепля копьём заглядывшегося на ее красоту

** ** *

Вот Аполлония
Вот Аполлония без Аполлона
Вот Аполлония без Аполлона живет
Вот Аполлония без Аполлона живет не тужит
Вот Аполлония без Аполлона живет не тужит ни о чем
Вот Аполлония без Аполлона живет не тужит ни о чем утраченном
Вот Аполлония без Аполлона живет не тужит ни о чем утраченном вместе с мстью

* * *

Чайка на волне

Чайка на волне вверх

Чайка на волне вверх вниз

Чайка на волне вверх вниз и снова вверх

Чайка на волне вверх вниз и снова вверх качается

Чайка на волне вверх вниз и снова вверх качается играет

Чайка на волне вверх вниз и снова вверх качается играет с морем

Чайка на волне вверх вниз и снова вверх качается играет с морем жизнью и смертью

ВЕТЕР С МОРЯ

1

Танцую

Танцую одна

Танцую одна на морском берегу

Танцую одна на морском берегу среди гор

Танцую одна на морском берегу среди гор лесов полей

Танцую одна на морском берегу среди гор лесов полей в сердце земли

Танцую одна на морском берегу среди гор лесов полей в сердце земли на закате

Танцую одна на морском берегу среди гор лесов полей в сердце земли на закате и на восходе

Танцую одна на морском берегу среди гор лесов полей в сердце земли на закате и на восходе твоём,

древний бог

2

Танцую

Танцую на морском берегу

Танцую на морском берегу с закрытыми глазами

Танцую на морском берегу с закрытыми глазами чтобы не видеть

Танцую на морском берегу с закрытыми глазами чтобы не видеть людей

Танцую на морском берегу с закрытыми глазами чтобы не видеть людей обступивших

Танцую на морском берегу с закрытыми глазами чтобы не видеть людей обступивших с молитвой

Танцую на морском берегу с закрытыми глазами чтобы не видеть людей обступивших с молитвой

золотого тельца

3

Ветер с моря

Ветер с моря ласковый

Ветер с моря ласковый не страшит

Ветер с моря ласковый не страшит людей

Ветер с моря ласковый не страшит людей танцующих на берегу

Ветер с моря ласковый не страшит людей танцующих на берегу забывших о волне

Ветер с моря ласковый не страшит людей танцующих на берегу забывших о волне рожденной

Ветер с моря ласковый не страшит людей танцующих на берегу забывших о волне рожденной

в подземелье моря

4

Из подземелья

Из подземелья моря

Из подземелья моря идет волна

Из подземелья моря идет волна рожденная огнем

Из подземелья моря идет волна рожденная огнем на берег

Из подземелья моря идет волна рожденная огнем на берег танцующих людей

Из подземелья моря идет волна рожденная огнем на берег танцующих людей беспамятных

Из подземелья моря идет волна рожденная огнем на берег танцующих людей беспамятных бессмысленных

Из подземелья моря идет волна рожденная огнем на берег танцующих людей беспамятных бессмысленных

как я

5

Облака разбрелись
Облака разбрелись по небу
Облака разбрелись по небу как стадо овец
Облака разбрелись по небу как стадо овец брошенных пастухом
Облака разбрелись по небу как стадо овец брошенных пастухом потерявших путь
Облака разбрелись по небу как стадо овец брошенных пастухом потерявших путь к теплой кошаре

6

Лежать на песке
Лежать на песке не думая
Лежать на песке не думая о плывущих мимо меня
Лежать на песке не думая о плывущих мимо меня триремах галерах подлодках
Лежать на песке не думая о плывущих мимо меня триремах галерах подлодках
Лежать на песке не думая о плывущих мимо меня триремах галерах подлодках и белых облаках
Лежать на песке не думая о плывущих мимо меня триремах галерах подлодках и белых облаках
над руинами мира

* * *

цепи

цепи дружб

цепи дружб и любовей

цепи дружб и любовей обмотали душу

цепи дружб и любовей обмотали душу изо всех сил

цепи дружб и любовей обмотали душу изо всех сил держа ее

цепи дружб и любовей обмотали душу изо всех сил держа ее на плаву

* * *

Голова

Голова Медузы Горгоны

Голова Медузы Горгоны повернулась

Голова Медузы Горгоны повернулась

Голова Медузы Горгоны повернулась и глядит

Голова Медузы Горгоны повернулась и глядит на меня

Голова Медузы Горгоны повернулась и глядит на меня смеясь

Голова Медузы Горгоны повернулась и глядит на меня смеясь из зеркала

** **

Думающие
Думающие о Боге
Думающие о Боге думают
Думающие о Боге думают о себе
Думающие о Боге думают о себе страшась
Думающие о Боге думают о себе страшась себя
Думающие о Боге думают о себе страшась себя без Него

** **

Так долго
Так долго ждать весны
Так долго ждать весны цветущей
Так долго ждать весны цветущей радугой
Так долго ждать весны цветущей радугой цветов
Так долго ждать весны цветущей радугой цветов от неба до земли
Так долго ждать весны цветущей радугой цветов от неба до земли единый миг
Так долго ждать весны цветущей радугой цветов от неба до земли единый миг и вот

** **

Страна
Страна очерчена
Страна очерчена строго
Страна очерчена строго по контуру
Страна очерчена строго по контуру жизни и смерти
Страна очерчена строго по контуру жизни и смерти людей
Страна очерчена строго по контуру жизни и смерти людей ушедших
Страна очерчена строго по контуру жизни и смерти людей ушедших в леса болота и льды

** **

Справедливость
Справедливость нужна
Справедливость нужна для праведных
Справедливость нужна для праведных и неправедных
Справедливость нужна для праведных и неправедных равно
Справедливость нужна для праведных и неправедных равно чтобы различать их

* * *

Золото

Золото тол

Золото тол нечувствительный

Золото тол нечувствительный к плачу и стону

Золото тол нечувствительный к плачу и стону зависимый лишь от змеи

Золото тол нечувствительный к плачу и стону зависимый лишь от змеи шипящей

Золото тол нечувствительный к плачу и стону зависимый лишь от змеи шипящей огненной

Золото тол нечувствительный к плачу и стону зависимый лишь от змеи шипящейогненной бикфордова шнура

* * *

Цифра 8

Цифра 8 перевернутое время

Цифра 8 перевернутое время бесконечно

Цифра 8 перевернутое время бесконечно как пространство

Цифра 8 перевернутое время бесконечно как пространство для земли

Цифра 8 перевернутое время бесконечно как пространство для земли отдавшей душу

Цифра 8 перевернутое время бесконечно как пространство для земли отдавшей душу за ненадобностью

Цифра 8 перевернутое время бесконечно как пространство для земли отдавшей душу за ненадобностью Богу

Валерий Сафранский

«Из реальности в реальность: Германия»

Стихи 90-х гг.

коллаж про...

.....

сотвори чудо

сотвори чудо

сотвори чудо

...взошёл возбу-возмущенный чародей

на голгофу сладо-страстотерпия

и терпел и терпел и терпел и терпел

...а а тут подбежал Фомка и а ну блины печь

первый

первый

первый

первый

Полн. собр. соч.

во-бля-масленица ядрится-крепится-терпится

... – и ты штоль страстотерпица?!

о волшебство штанов и юбок

(и хуже – нижнего белья)

стоит в мозгах колом затупленным

вопрос «лю лю ля я?»

...слез с креста поменяв лицо на задницу

и потек по тверской

напра-нале-пойдешь никого не найдешь

а пря- толпа многожопая напя

гается ельцына рождает

объясни ей что у тебя уж кол докрасна затесан
а блин мол Фомка итак спечет!
эх вдоль по голгофской...
...все смотрю на тебя
лю ли я? люли я?
на твоём плече выросла желтая роза
уста твои вновь зазеленели
в твоём бермудском треугольнике
сгнули ещё два броненосца
и один баркас
...а чудеса лежат в развалах
без всяких вымерших прикрас
вот так и живут волшебники
с почетной язвой в животе
и с краснорожей люлей в балде
...великое чудо реинкарнации
совершает чиновник говорящий с акцентом
нововоплощенные в радостной прострации
сотвори чудо
сотвори чудо
сотвори чудо
...дранг нах вестен
дранг
наг
и бос
прощай неумытая мистическая
мессия
грядет
мессия придет
ему уже выписали командировку
мелкие лазутчики покидают поля грядущих откровений
(это будет потом в кино)
и только любовь заблудившуюся жалко
жалко неовеществленного
сотвори чу...
(про Фомку больше ни слова!)
Ч У Д А хочется
позови!
любимая! сволочь!!

ведь мы ещё жи...
чу... чу... чу...
заворочились колеса
стальные рельсы холодными лунными лучами
потянулись в сторону лебединого созвездия
оркестр на перроне грянул частушку:
со- со- со-
чу- чу- чу-
ни-хря-на-я-ни-ха-чу
милка-ты-поставь-бутылку
там-глядишь-и-прокачу
...долгая ночь долгая ночь долгая ночь
поезд мчится пассажиры спят
горизонт неумолимо приближается
на опустевшем перроне
 сидела серая крыса
 и улыбалась тишине
 чу-у-удо

ностальгия-95

наплывает медленная мелодия
сна
из чужой жизни
сполохи чужого безумие
 скамеек
 приговоров прихлопнутые
опрокинутой чашей неба
(дуршлаг в мелкую дырочку – звезды!)
хорошо лежать в гостеприимном гробу
на просторах необъятной родины
вот она
реальность
и не было ничего
только цитаты

(где каты
лубочные хаты
слепые солдаты
крещендо мата
где лишь мертвые святы
березки-закаты
мигрени стокатто
коты
и цукаты
хорошо лежать в гробу сжимая верный «вальтер» мурлыча
музыку чужого сна

письмо в соседний квартал

И.Р.

о как мы жили
ты в раковине на кухне
выращивала зеленющих мясистых лягушек
я в совмещенном санузле
разводил эротичных розовых устриц
потом мы всё это готовили
в огромной кастрюле наимоднейшего неопределённого цвета
пили Moskovskaja из «Гастронома»
и читали друг другу то вийона, то гёльдерлина
вот так мы жили —
как бы между парижем и берлином
сейчас мы и живём
между парижем и берлином
ты иногда бываешь в иерусалиме (ну его этот париж)
я — в амстердаме (ну его этот берлин)
на твою кухню
забегает толстый почему-то вечно пьяный кот
в мой совмещённый санузел
заползают шустрые модной расцветки ящерики

иногда с перепугу или в раздражении забывают хвосты
(которые я пытаюсь сушить
поддельваясь под фетишиста)
я пью какую-то французскую бормотуху
ты – всё время на колёсах
на ходу понятно не попьёшь
(а лягушки с устрицами – ну их в супермаркет)
я как-то перечитал твои стихи с моими инициалами
ты как-то по телефону вспомнила что-то моё
адресованное вовсе не тебе
эй
соседка
я посвящаю тебе
Ту Огромную Кастрюлю
которая никогда уже не попадёт
ни в берлин
ни в париж

* * *

ну вот это кажется ты
я рассматриваю твой голос
я вслушиваюсь в твои глаза
я вживаюсь в твоё тело
когда ты чуть нервно несёшь его по стометровке от U-Bahn-а до
моего дома распугивая томный покой кудрявеньких акаций
...а пока ты это проделываешь я вспоминаю

хрустящий ледок на стартовой площадке баллистической
ракеты с готовностью
Лондона
хрустальное небо над лагерным баракком в славном
Комсомольске-на-Амуре
красивую девочку с моими глазами в инвалидной коляске
черноморский прибой окровавленный закатом когда
казалось что других итогов
уже не будет...

...с лебединой грацией ты всплываешь в этот ряд
в моё царство форм теней и красок

ну вот это кажется ты
перекрашенная блондинистая зверюга из злозаколдованного
зоопарка
заспанная муза из вагона-ресторана спятившего поезда «Москва–
Тоска»
тебя должны были символически застрелить у Белого Дома в
августе 91-го
но ты туда не явилась
и вот ты
вариант самой себя
путешествуешь уже в спальном вагоне
Дортмунд-Вест – Дортмунд-Норд
смотрю в тебя
и в зеркале пруда
в злозаколдованном зоопарке
нахожу своё потерянное лицо
...я знаю о тебе всё
я знаю о тебе лишь
отзывчивое тепло твоего бедра и изменницу-жилку бьющуюся в
каком-то изгибе выражающей невозмутимость шеи
и твою внезапную доверчивость
которая уже завтра тебя спасительно испугает
и сохранит тебя для продолжения экзотического вояжа
«Через континент – в скафандре»
я знаю
что ты самое глупое из чудес случавшихся в моей жизни
ну вот это кажется ты
аллю-аллю

я ненавижу твой голос
пропахший ядрёным запахом украинского борща
умиротворенный гарантийным ярлыком на полосатой семейной
перине
аллю-аллю

– у вас сегодня оливье и пироги с капустой
почти угадал?
у меня тоже вкусно
у меня Chantré *
да нет не та
абсолютно новая бутылка
и тоже с гарантией
почему тоже?
алла-аллю

was hast du gesagt? **
ich verstehe... ***
ich weis... ****
почему по-немецки?
да как-то русский словарь иссяк
что? та дама? нет не звонит
что «если»?.. warum nicht? *****
хорошо с ней тоже по-немецки
да-да ВСЁ по-немецки
аллю-аллю

ну вот это кажется ты
и твои дрожащие тёплые пальцы
ткнут из сигаретного дыма
покрывало с неприличным орнаментом
уходя
ты подаришь его мне
насовсем
навечно
чтобы я не сомневался
ты это была
или нет

* марка популярного бренди
** что ты сказала?
*** я понимаю
**** я знаю
***** почему бы и нет?

* * *

превратился в облако

превратился в снег

и

п р о ш е л

* * *

вот уже и не белое

вот уж и не пятно

Звук скрежетанья металла был

отвратителен.

Альфа-Ромео распался на две половинки. В Ромео –
вниз пикировал ты.

Я в Альфе барахталась

в небе.

– ...не крах, – шелестело в наушниках, – подумай,
подумай, –

шумело, как море.

И я поняла,

о чем надлежало подумать.

Мы рядом были всегда. Мы были
средним арифметическим тебя и меня,
то есть мы были тобою и мною,
то есть ты был собою и мною, а я – собою – тобою.

Нет, мы были

средним геометрическим тебя и меня, вернее –
хотим быть тобою – собою – и – мною.

Я поняла,

что запуталась и ударила по красной клавише пульта.

Твоя половина

замедлила спуск. Я неслась на нее, как звезда.

Сцепление было до жути приятным.

Мы слиплись крест-накрест.

– Молодец, – услышала я в наушниках и ощутила трепет
внизу живота. – Наш Ромео – сейчас вертолет.

Винт работает без перебоев.

Нас сносит к дуге лукоморья, сейчас...

– ты говорил

откуда-то снизу, и одновременно я слышала
голос в наушниках. – Приземлимся.

– Ну, наконец-то, – я прошептала.

– Не время сейчас... ты меня возбуждаешь...

ты щекочешь их.

– Что щекочу?

– Их... – ты засмеялся.

Так таинственно нежно ты говорил только о...
называя их ядрами.

Когда ты утомонишься,
думала я в такие минуты, и мы вместе займемся
изучением философий... Машина дернулась,
заскрежетала.

Мы накренились, вздрогнули и остановились.

– Ну вот... – над нами навис профессор, весь в белом.

Он чеканил слова, делая длинные паузы.

– Это, безусловно...

Мы вылезали из машины с трудом.

Ты был странно изогнут. Да и меня разнесло в пух и прах.

– Ты изменилась, – твои губы шептали

где-то внутри меня, из-под брюшины.

– Безусловно, – победа, – продолжил профессор

и оглядел коллег. –

Были две клеточки локтевого сустава,

а теперь – вот такое... Гренадер!

– Так мы победили?! – я вывернулась наизнанку

и, ликуя, посмотрела в глаза

тебе ли, себе?

– Победа долготерпения и любви, – гнул своё профессор,
позируя. Его фотографировали.

– Любви к перекрестному клонированию, господа.

Потомки нас не забудут.

СКОРОГОВОРКИ ДЛЯ ТРУДНО ГОВОРЯЩИХ

1.

к берегу греб Герман де-Берг багром, гербом и герберами

2.

крем в крыму не только миррой но и римом ремил и пырял

3.

Щеголев и Какарехи щеглов щелкали как орехи

4.
крохотная каракатица крошкой с горы катится
5.
рубака бранью рубку брал, и бра перегорело
6.
араб барабанил браво в баре,
бурила буром в такт
раба любви
7.
пиротехник перроном правил без правил,
правда, промахи переправлял
8.
вместе с Рафиком-графом и феминой-Фаиной
Кристоффер феррум графил под фиолетовой фарой
на форуме «Форма без содержания»
9.
ластик ластился
к листкам, листья,
устало ласточка
свистала

ДОПОДЛИННО ИЗВЕСТНО, ЧТО

- а) вертолеты движутся не благодаря винтам,
а благодаря маленьким невидимым лапкам
(вертолеты карабкаются в небо)
- б) в одну реку нельзя войти дважды
но при определенном напоре
можно и трижды

- в) метеориты спускают к нам
на тонких резиновых нитях

АФОРИЗМЫ <?>

1.

чтобы замедлить бег времени
надо стать маленьким
очень маленьким
человеком

2.

обо мне сказано больше плохого, чем хорошего,
но больше всего — ничего не сказано

3.

добрые дела, сделанные вами,
могут в одночасье придавить вас
до смерти

4.

иногда надо сделать так,
чтобы было как бы никак

5.

поэт
всем надоевший
праздник

6.

все идет и проходит, даже если все схвачено

7.

карточные города
вырастают на рассвете
к вечеру на их руинах
раскладывают пасьянсы

8.
честолюбцы...
чаще всего становятся
юными мстителями

9.
я знаю
что ничего не знаю *m*
все

10.
я не с этими
и не с теми
поэтому меня
почти нет

11.
нет ничего
короче дороги
в тушик

12.
кто к нам с умом придет
тот от ума и погибнет

13.
часто вспоминая
свое далекое прошлое

человек готовит себя
к небытию

14.
в сущности —
мы идем, чтобы встать
ищем, чтобы терять
помним, чтобы забыть
и живем, чтобы начать жить сначала

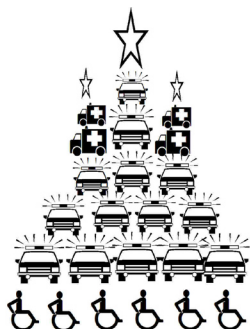
15.
в перспективе
все кажется мелким
кроме смерти

16.
книга
сама по себе ничего не значит
ведь надо, что бы ее прочли

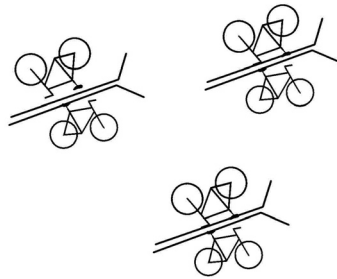
17.
мир изогнулся
охотник убит
собственным выстрелом

18.
стихи пищутся теми
кто способен остановить
бег времени

НУ, И ВОПРОСИКИ

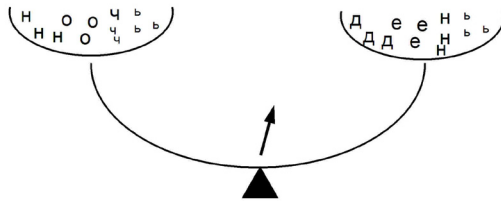

1.
*Москва
и москвичи?*

2.

бабочки Пекина?

3.

часы или весы?

Наталья Юлина

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Вот облако проплывает, проплывает, как проплывало.

Оказалось оно тюленем.

Поднимает тюлень голову, смотрит круглыми глазами. На спину тебя сажает и несет к Золотым Воротам.

Распахнулись Золотые Ворота, а ты стоишь, как вкопанный болванчик, ни по-русски не знаешь, ни по-китайски.

– Кто ты? – спросили на языке воды окаянные кошки. Нет ответа.

– Кто ты? – на языке ветра спросили веселые собаки. Ничего не могу ответить.

И закрылись Золотые Ворота. Никто тебя не узнает, никто тебя не полюбит.

Тут на правой золотой створке голубая садится птичка. Птичка садится, невеличка и свистит звонкие две ноты: “Я – ты. Я – ты. Я – ты”.

Распахнулись Золотые Ворота, и впорхнула я серой птичкой.

Только всё это мне приснилось. Стою пред Золотыми Воротами, как вкопанный болванчик.

ДЕРЕВУШКА С УШКОМ

Жила-была деревушка на высоком берегу речушки. Под березой посреди деревушки сидело в земле ушко. Как кто в деревушке заладит ругаться, биться, драться, ушко тут на макушке, береза давай шуметь, собака бабы Мани начнет с цепи рваться да выть. Маня с печи слезет, схватит большую деревянную ложку и одного, второго третьего, всех по лбу – тут тишина приходит, и ушко засыпает. Особенно часто у Фроловых битвы шли. Только баба Маня покажется, все и разбежались.

Долго ли, коротко, постарело ухо. То береза ни от чего забьётся, то люди дерутся, а ушко не слышит. И однажды Фроловы перебили друг друга так, что дед Федул преставился. Тут ухо завяло и превратилось в сухой лист. Не стало в деревушке ушка, а ложку собака сгрызла.

* * *

Кругом снег и солнце – чистота и радость. Солнце-радость покатится по жизни, звеня бубенчиками: эй, радуйся. Чему ты не рад? Оно не стоит твоей нерадости. Видишь, вокруг какая чистота – на всю землю. Радуйся.

Мысли-нерадости нарастают в потемках, накачиваются твоею грустью. Подумай, ведь грусть всегда только внутри, а снаружи только радость. Попробуй вылезти наружу или еще лучше – открыться внешней радости, откройся, как раковина, когда ее насельник хочет есть. Открой свое другое светлое лицо, чтоб снег дал тебе чистоту, а солнце – разум.

ПРОДАВЕЦ НА РЫНКЕ

Весел он как ребенок: обманет меня и хохочет.

Мечтает о рыжей Европе и кисти сахарного винограда
с дедушкиной лозы перед домом.

Обнял бы он сестренку, вернувшись из рыжей Европы
к Талгату, Ахмету, Адине, открывшим рты в восхищеньи,
ведь брат – и коснуться страшно – оттуда из дальней Европы,
где люди – круглые каменные орешки – касаются друг друга
и отскакивают...

Но ему ведь нужны деньги – не ему, а его маме,
чтоб купить для него невесту, такую, как у брата Ахмета,
с дразнящими маленькими коготками на игрушечных пальчиках.

ХОЛОД

Я – нежный цветок. Таким я себя чувствую, хотя вид... В детстве веселый мальчик сломал меня палкой. Хотя я выжил, выпрямился, но стебель мой кривоват, а листья колючки, чтоб всякая сволочь не цапала меня.

Я высокий и возвышаюсь над мелкими цветами и травами. На северном склоне Парамоновского оврага я такой один.

Так я и жил, не особо задумываясь над своей жизнью, пока не появилась она. Всё произошло неожиданно. Ранней весной прямо передо мной вылез стебелек с маленьким бутончиком. Как только у незнакомки показались лепестки, как все маленькие дети, она сразу расплакалась. Я чуть-чуть покачал ее, и она улыбнулась мне. Я растаял от нежности и назвал ее Лю. Сияло солнце, шли дожди, иногда даже ливни, и потоки глины неслись с горы. Я защищал малютку Лю, как мог, и она росла и цвела таким нежным розовым цветом, что соседи заглядывались на нее.

Я боялся пить воду – вдруг Лю засохнет подле меня, ведь ей, слабой и беспомощной, надо расти и крепнуть. Чтобы зверь или человек не наступил или, не дай Бог, не сорвал Лю, я укрывал ее своими большими надежными листьями. А Лю, казалось, не понимала опасности. Она высовывалась прямо на солнце и, если я ворчал, начинала смеяться. На самом деле, чтобы она ни делала, мое сердце таяло от любви к ней.

Но всему хорошему приходит конец. Сильно похолодало, низкие лиловые тучи побежали над нами, и, наконец, пришла стужа. Бедная Лю, стиснув лепестки, изо всех сил прижималась ко мне, уверенная, что я не дам ей погибнуть. Но оказалось, что я бессилен. Вот передо мной всё, что от нее осталось: маленький мертвый стебелек, едва отличимый от земли. Я чуть не погиб от тоски, меня перестали заботить еда и питье. Я почти засох. Колючки сделались больше, а стебель и листья почернели. Люди и звери боялись подойти ко мне.

Спасла меня шишка. Она всегда лежала подо мной, без зерен, открытая всем ветрам и невзгодам. Едва рассветало, она шумела «вжж вжж», и это значило, что она рада новому дню. Несколько раз она пыталась заговорить со мной, но я молчал. Тогда она разговаривала с ветром, травой, с прилетевшим неведомо откуда листом и при этом часто смеялась своим щербатым ртом.

Как-то я не выдержал и спросил:

– Чему ты, старая, смеешься?

– Просто смеюсь, – был ответ, – я живу здесь давно и знаю, что опять будет хорошо, и даже обязательно лучше прежнего. И твоя Лю снова поднимется из земли. – Шишка помолчала и добавила: – Только ты не подходи к ней слишком близко. Она любит солнце, а ты – от тебя идет мороз».

– Что ты говоришь? – возмутился я. – Я так любил ее, дышал на нее, радовался ей, но пришла стужа, и она погибла. – Ты ошибаешься, – ответила шишка, – не было никакой стужи. Стужа внутри тебя, а Лю доверилась тебе и поэтому погибла.

Я снова замолчал на много дней. Мне не хотелось беседовать с бестолковой шишкой, но однажды я заметил, как откуда-то прилетел лепесток, опустился на мой цветок, и тут же сморщился и помертвел. До меня дошло, что холод стал моей сутью. Если бы я знал это раньше, я бы вел себя по-другому.

Что же делать? Я не хочу никого убивать. Я хочу снова видеть Лю. Шишка посоветовала мне измениться и стать по-настоящему добрым. Долго я трудился, изгоняя все холодные мысли, привыкая улыбаться любому проблеску уже остывающего солнца. Теперь мне кажется, я стал по-настоящему нежным цветком, но подступила стужа, и я чувствую, что у меня нет сил бороться с ней. По ночам стало подмораживать. Не могу же я просто умереть... Я снова прежний.

ЁЛКА

Святочный рассказ

Мы не ходили в детсад. Не знаю, почему не ходила Ольга, а я не ходила, из-за войны. На войне убивают на улице, в том числе детей.

Любимой, тайной игрой у нас с Ольгой была игра в ёлку. Ставили в коридоре один табурет, на него другой, перевёрнутый, в него горшок с цветком, самый большой, какой могли поднять. Ёлка готова. Вернее не ёлка, а её начало. Ёлка – это, когда наряженная.

Сначала всё это заматывается бельевой веревкой. Чем больше, тем лучше. На веревке можно вешать всё: носовые платки, фантики, платки другие, шапки, мамину старую шляпку, её прозрачную

кофточку, а чтобы блестело, можно втыкать гвозди, засовывать стеклышки от секретов, ложки, скрепки, вилки. Мы работали с Ольгой уже два часа, но всё чего-то не хватало.

Вдруг Ольга оборачивается и кричит: «мама», так что я вздрагиваю. Ее мама с ней не живет, потому что она умерла от войны. Я поворачиваю голову и вижу очень красивую женщину. Она, ласково улыбаясь, смотрит на елку, потом в полной тишине начинает нам помогать. Как только Оля называет её, она прикладывает палец к губам, как бы говоря «тише, если будешь шуметь, я исчезну».

Ёлка переливается всеми цветами радуги, ёлка торжествует вместе с нами. И тут у мамы в руках появляется серебряная звезда. Она прикладывает ее к самой верхушке, и мы, не отрывая глаз, смотрим на звезду. В углублениях серебра вспыхивают красные огоньки и змейками выскакивают наружу. Оля плачет. Сначала про себя, потом появляется голос, и в этот момент мама со звездой исчезает. Она просто тает в воздухе.

Больше мы с Олей в ёлку не играли.

МАРИЯ

Жила-была девочка с лицом юной мадонны. У нее не было своей жизни, и она жила жизнью окружающих. Плакала, если они говорили о грустном, смеялась, если им было весело, и бросалась на выручку, если думала, что нужна помощь.

У девочки была мама, женщина с золотыми кудрями. Мама работала в бизнесе и ясно видела полную бесполезность своей дочери, но достойно несла свой крест. Да что там, она любила даже гвозди своего креста, и всё время их пересчитывала.

Она учила девочку думать о себе: «Первое-главное, ты должна ухаживать за собой, гигиена — это основа, но ты еще должна нравиться».

В гардеробе девочки висели 150 кофточек до пупка, 200 кофточек после пупка, 75 штанишек, брюк, шортов, шаровар, бриджей, рейтуз и всего, что могла пожелать девочка ее возраста.

Часто, если мама дома, девочка наденет на себя что-нибудь, выйдет, мама заставит надеть другое. Через 10 минут эта вторая одежда маме разонравится, и Маша бежит переодеваться.

Маша любила маму. Очень. Ведь мама заботится о ней. Только рядом с мамой она не жила ничьей жизнью. Внутри она превращалась в камень. Даже двигалась не прямо, а как-то боком. Мама думала, что такая каменная девочка ей досталась в дочки и нужно еще больше усилий, чтобы нести свой крест.

Вот Маше 25. Ни с того, ни с сего стали у нее являться судороги и рыдания. Мама решила найти ей друга. Друга взяли за деньги, но он все норовил деньги взять, а дружить пореже.

Маша этого не замечала. Она приходила в восторг, если смотрела на него больше пяти минут, но говорить ему могла только то, что подсказала мама. Уедет друг на три месяца на рыбалку и пишет ей в письме: «ловлю рыбу». Она всю ночь радуется, а утром мама спросит «какую рыбу?». Маша напишет в письме: «какую?», а к вечеру получит ответ: «разную». Так в мелких радостях шла Машина жизнь.

Приехал друг с рыбалки, и радостная Маша светится от счастья. Не выдержал друг напора радости и счастья и сделал Маше ребенка.

Мама, уволив друга и смирившись с еще одним гвоздем, разрешила ребенка выносить.

Сын родился, и теперь именно он объект всеобщей заботы. Маша ступевалась. Вот на прогулке по дорожке идет мама с коляской, время от времени наклоняется, чтобы что-то поправить, а мальчик высовывает крошечную ручку и варежкой указывает путь. Маша, опустив голову, плетется в нескольких шагах позади процессии.

Теперь Машина единственная радость – передача «Дом два».

НАВАЖДЕНИЕ

Он жил как все. Как все не любил жену, как все любил детей и всегда работал. Если договорная задача кончалась, а следующая не начиналась, он продолжал ковырять прежние задачи в компьютере, а то, смотришь, озаботится длиной дуги от точки восхода солнца 22-го апреля до точки восхода 22-го сентября. И можно ли эту длину умножить на 2, чтоб получить дугу до 22-го декабря. Благо, эти точки всегда видны из окна. Ну, интересно же не искать в справочниках, а высчитать все самому. Такие были утешения души.

Лариса работала с ним в одном отделе. Первый раз они совершенно случайно столкнулись в гардеробе и вместе направились к метро. Ему захотелось проводить ее до дома, но оказалось, что живет она за городом, в поселке Глебово.

Следующий раз он специально ждал ее около входа, чтобы проводить до дома. Они вместе ели суп, пили чай и на прощанье поцеловались. Он шел по поселку, и сердце билось так, что приходилось останавливаться, чтоб оно не выскочило на снег. «Нет, говорил он себе, нет». И еще раз: «Нет. Спущу на тормозах». Но почему-то это не удалось. Поездки к Ларисе стали главным в жизни. Все физические явления померкли для него.

Подъезжая к Глебову, он неожиданно покрывался рыжей шерстью, ноги укорачивались, он становился на четыре лапы и крался к подъезду, прижимаясь к земле при каждом громком звуке. Вытянувшись вверх, он магнитным ключом открывал подъезд и, юркнув в него, бросался к двери. Пролаяв три раза, от нетерпения он скребся в дверь, но Лариса, открыв ему, встречала как и всегда подтянутого стройного молодого человека.

Каждый визит к ней сопровождался этими превращениями. Так он любил: без памяти, без разума, и даже без чувств. Это была страсть.

Выходя от нее, он чувствовал себя оторванной пуговицей, летящей в грязь. Чем дальше от Глебова, тем сильнее ему казалось, что он деревянный, но глаза его продолжали сиять. Они гасли только около дома, где жена привыкла не видеть его, а дети не замечать. Жизнь налаживалась, потому что шла с той же скоростью по той же дороге, что и до Ларисы.

Прошел год, и он стал проще. Подходя к Ларисину дому, он уже не вставал на четвереньки, не крался, а спокойно и гордо шел, не замечая других людей. И уже Ларисе, как привык жене, говорил «отвянь» и в ответственные моменты называл ее именем жены. Лариса не обижалась и начала с ним скучать. Так они и скучали вдвоем, не задумываясь о том, зачем это нужно. Ведь для постоянства отношений надо постоянно ломать постоянность.

Еще через год всё кончилось.

ДУСЯ

Давным-давно, двадцать лет назад, немецкий доктор Густав Болт пересадил душу своей жены кошке Дусе — конечно, жена умирала от непередаваемой словами болезни, и часы ее были сочтены. Эксперимент, достойный великого Болта.

Эволюцию Дусиной души из дневника профессора мы вам и представляем.

24 апреля

Дуся строит мне глазки. Сначала пристальный взгляд прямо в глаза, как смотрела Дуся, когда хотела есть, потом глаза сужаются, как перед нападением, — это продолжается несколько секунд — и снова глаза приобретают обычное выражение. При этом Дуся что-то бурмочет, но я пока не понимаю ее языка.

30 апреля

Сегодня я пришел на работу с расцарапанным лицом. Царапины такие глубокие, что пришлось накладывать швы на две из них. Коллеги сочувствовали мне. Хотя я сказал, что меня покусали комары, и я расчесал лицо во сне, эксперимент и разрабатывался в клинике, так что коллеги все поняли..

А дело было так. Дуся забралась на высокий книжный шкаф, и когда я, ничего не подозревая, проходил мимо, она прыгнула мне на голову и начала рвать лицо. Я скинул ее, но она снова и снова пыталась на меня бросаться.

Мой ассистент Фриц вошел ко мне в кабинет и предложил помощь. Подумав, я сказал «да». Мы сделали ей укол снотворного и остригли когти. Проснувшись, она убежала из клиники

1 мая

Дуси не видел.

3 мая

Сегодня она появилась. Шерсть грязная и клоками, морда в крови, и большая рваная рана на шее. Я обработал рану, помыл и покормил Дусю. От сухого кошачьего корма она отказывается. Съела

кусоч отварного мяса и выпросила у меня соленый огурец. Потом утащила со стола пирожное и сожрала его. Потом ее рвало.

4 мая

Дуся стала спокойной. Ест как прежних две Дуся, но только обычную кошачью еду.

10 мая

Вот я сижу за письменным столом, а Дуся лежит на нем передо мной. Лежит на боку, изредка потягивается, показывая мне розовые подушечки левой стопы и тут же убирает лапки. Я взял ее на руки, ласкал и говорил нежные слова. И вдруг отчетливо Дуся произнесла: «дурак». Я вздрогнул. Больше Дуся ничего не говорила. Возможно, галлюцинация.

25 мая

Нет, Дуся говорит. Нежным голосом моей Гретхен. Вместо того чтоб, если голодна, тереться об ноги, она подходит, смотрит мне в глаза, иногда сужая свои, и говорит «есть». Вот эти суживающиеся глаза – доказательство того, что я в своем уме – ведь раньше она так не делала. Еще Дуся проводит много времени у зеркала. Иногда жалобно при этом мяукая, иногда тут же принимаясь вылизывать себе шею и лапы.

1 июня

Если раньше Дуся не смотрела в сторону мышей, то теперь она каждый день ходит на охоту. Приносит по одной-две мыши и складывает мне на постель. Сначала я менял покрывало, Теперь застилаю постель медицинскими клеенками. Дуся норовит сбросить клеенки. Я вижу в этом злой умысел моей Гретхен.

5 июня

Дуся привела супруга жить к нам в дом. Кот рыжий здоровый с лицемерно кротким выражением морды. Если Дуся деликатна в отношении туалета, то этот монстр гадит и метит всюду, куда только может добраться. Пытался выпроводить рыжего – бесполезно. Дуся начинает кричать так истошно, что соседи открывают окна

и смотрят на мой дом враждебно. Лучше терпеть вонь, чем эти крики. Теперь они занимаются любовью все время, пока я дома и по возможности близко от меня. Бог с ними, я же ученый. Она, слава Богу, стерилизована, так что, очевидно, секс для нее чрезмерен, это только месть Гретхен.

7 июля

Рыжий исчез. Мы с Дусей вздохнули свободно. Она никуда не уходит. В основном спит, ест мало. На меня не обращает внимания. К зеркалу не подходит. Простишь ли ты меня когда-нибудь, Гретхен.

10 июля

Вчера зашла ко мне по делам молодая сотрудница. Что устроила эта тварь! Хорошо, что у сотрудницы был шприц. Мы вкололи Дусе снотворное и потом перенесли ее в клетку. Клетку заперли. Ева бедная пострадала. Вырван над правым виском большой клочок волос. Ноги покусаны. Не говоря уже о стрессе. Ева собирается делать все процедуры от бешенства. Я ее понимаю.

12 июля

У меня плохо с дыханием. Дуся из клетки не смотрит на меня. Есть отказывается. Мой стресс, связанный с Дусей-Гретхен, перешел в соматическую фазу. Стоит только бросить взгляд на клетку, и возникает острая боль в сердце. К кардиологу я не пойду. Просто нет моральных сил. Иногда мне кажется, что всё это сон. Душа не материальна, я просто всадил кошке большую дозу гормона. А Гретхен умерла вместе со своей душой. Дай-то Бог. Прости меня Гретхен.

Это последняя запись. Профессор был обнаружен мертвым в постели. Клетка открыта и пуста. Кошки нигде нет. Возможно, многие ее видели, но как отличить кошку от тысячи других?..

ЖУК

Ему сегодня не везло. Два раза попадал в паутину. Или везло? Два раза выпутывался из нее. Ну, первый раз – так, ерунда. Чуть крылом задел, и его повело, второй – серьезней. Совсем маленький

паучок наплел такого, что пришлось поработать и лапами и крыльями. Но жук он или не жук? Выбрался, разорвал силки и посрамил их паучье племя. Все эти происшествия выбили его из колеи. Съел что-то не то по рассеянности, потом ударился обо что-то, в общем, весь день комом.

Но вот стемнело, и он увидел вдали свет. Долго стремился к нему, облетая ветки, стволы и провода. И, наконец, ударился о стекло. И замер. Прямо в глаза ему смотрел человек. Он тоже не двигался. Жук распластался на стекле и продолжал смотреть. Оба были удивлены.

Так произошла встреча, и прожитый день уже не казался неудачным.

Елена Твердислова

Рассказы из цикла «Литературные автобиографизмы»

Окно на солнечную сторону

Мы собирались по воскресеньям за завтраком: у мамы, хормейстера в танцевальном ансамбле, вечера заняты – репетиции, концерты, не до семейных обедов. При этом все наши разговоры вертятся не вокруг музыки, разве напомнят мне про *горячие пирожки*, которые *поела жена Шостаковича и умерла*, – не торопись, мол, подожди, пока остынет чай, блины, картошка... – а о литературе: с самого раннего детства тут мои знакомые, о них не сплетничаем – жизнь осмысляем. Сервирован стол на белой скатерти, а комната с большим окном на солнечную сторону довершает праздник.

Главное блюдо – писательские жены, доставалось не одной НатНик, домашняя кличка Натальи Николаевны: «Какой нужен ум красоте, зачем он?!» – (папа), но и Софочке: «Так держаться, ни дать, ни взять – сама Лёв Николаевич!» – (мама). И как не пройти по Книпперше: «Сколько претенденток, и всех обошла!» – будто те коз своих забыли привязать, и они теперь болтаются у нас в огороде. Что за бред? Почему столько о них разговоров? Но именно тогда коммунальная квартира, личная жизнь и право на нее перестают что-то значить.

Переход на личности, однако, не только притягателен, но и опасен. Речь ни с того, ни с сего прерывается, кто кого задел? Нет, это мать что-то забыла принести из кухни, туда – сюда, и каждый раз тащи чашку, ложку, хлеб... чтобы потом размеренно намазывать на него тонким слоем – специальной лопаточкой – масло, лежащее в воде, слезки на нем превращают его во что-то трепещуще трогательное, сейчас сверху лягут кружочки сырокопченой колбасы с огромными жиринками, точно глаза, распахнутые на мир от удивления, оказывается, существует профессия писательской жены, куда

попадала еще одна Наталья – Герценова жена: «Кто виноват, кто виноват... Нечего уводить невесту у друга, одна страсть порождает другую, Гервег, поди, с ее легкой руки ставил себя выше Гете!» – в огород к козам летят камушки по адресу забытого ныне немецкого поэта, пример Панаевой просто вставал в ряд, по-своему обозначив место Елене Сергеевне. (В Польше представляюсь Дравичу, больше всех тогда занимался Булгаковым, даже руками всплеснул от радости: «Неужели Булгакова?» – разочаровала: Твердислова)...

«А кто их заставлял выходить замуж за писателя?» – вырывалось у меня непроизвольно. Мать не любит, когда ее перебивают, ждать, что скажет в ответ, мне невыносимо, а она не спешит: черный аромат кофе поднимается над белой гофрированной чашкой с золотом, как пряный запах духов после бала. Длинный шелковый халат – поза достоинства – облегает крупные плечи дирижера-хоровика, гармонируя с розовыми занавесками, на которых носятся с щебетом птицы, перебивая друг друга. «Всё это пошлости!» – отец вынимает голову из газеты. – Я по природе словесник (нет-нет, да и подчеркнет, будто мы не знаем), возглавлял какой-то Главк в машиностроении и всю жизнь сожалел о выбранной специальности. – Одни сплетни!

– Софочку никто не знает? Нарожать детей и строить за спиной у мужа глазки и кому! Он же был голубым... – из-под халата кокетливо выглядывает остроносая мама тифелька.

– Лев Николаевич? Впервые слышу! – газета с шуршанием ложится на стол.

– Чтобы ее не зарезать за измену, Толстой написал «Крейцерову сонату».

Не поймешь, мать так думает или хочет позлить отца. Жду про рисовые котлетки, которые графу подавал лакей в белых перчатках, но сейчас не до этого.

– Причем тут измена, Толстой широким жестом от авторских отказался, а у жены, между прочим, семья, дом, дети, кто о них позаботится? Кстати, собственноручно – и не раз – его сочинения переписывала, сколько редакций у «Войны и мира»? Ох, не любите вы свою сестру!

Теперь я нашла бы, чем возразить: и мужчины не посчитались с выбором Цветаевой, Эфрон у Бродского негодяй – не единственное

бранное словцо, сорвавшееся с языка. А тогда помалкивала: бывали случаи, когда эти мирные беседы, прямо в библиотеке сидим, заканчивались скандалом, салфетка летела прямо в масло, которое начинало плакать уже настоящими слезами, кофе выливался на скатерть, и мать, отбросив праздничную медлительность, свирепо убирала со стола.

– Толстому бы на Лизе жениться, да Соня подсуетилась, хороша была и моложе... – гроза миновала. На что мать намекает?

– Как подумаю, – отец виртуозно уводит разговор в другое русло, – проповедник христианства жену не простил... – и доверительно матери: – Страшно представить его отвернувшегося к стене перед смертью!

– А что происходило в душе Софьи Андреевны? – вторит притихшая мать. Снова мир да благодать.

С обоюдной высоты взгляд на Книппершу – довела, де, Чехова до могилы. Тогда я понятия не имела, как близко была к нашим литературным козам моя подруга детства, проводила каждое лето у бабушки в Ялте и рассказывала про соседок по даче – бабу Машу и бабу Лёлю, та учила ее одеваться, держать фасон – *выглядеть*, была той самой незабвенной Книппершей!..

После нее наступал черед мужчин, возглавлял хоровод Ланской: «Шутка ли – доверенное лицо Дантеса, под окнами ходил во время его свидания с Натали! Если бы все трое могли тогда предвидеть гибель Пушкина, высылку Дантеса и что Ланской – ее будущий муж!..»

– «Перестань, – перебивает отец, – свидания никакого не было, хитрые козни Полетики, а уж если женщине вздумается отомстить...» И тут же про любовь и везение: «Именно с Ланским НатНик и была счастлива!»

– «А может, она была бы счастлива и с Дантесом? – вставляет бойко мать и сама себя перебивает: – С гениальным муженьком хорошо язычок на балах точить, но жить... Сохрани Бог!»

Что имела в виду? Что мой отец-технар – не состоявшийся гений, который убедил себя, что от литературы отказался сознательно? Удивил другим: когда сообщила родителям, что пойду на филфак и мать резонно заметила: «Не поступит!» – отец поддержал меня: «Пусть пробует, у нее получится!» – а за поступление, единственный раз в жизни взяв ссуду, повез на Кузнецкий мост и купил

все книги, на которые только указала рукой: должна быть личная библиотека.

«В русской литературе, – продолжает отец воскресные размышления, медленно вытирая хлебом сковороду из-под яичницы, чтобы дать собаке, вопреки просьбам не кормить пса с рук и со стола, но как устоять, когда любимец, скуля и стуча обручком хвоста об пол, не сводит обожающих глаз? – были, конечно, жены поэтов с большой буквы, правда, постарше и не такой красотой блистали, а НатНик – мадонна!» Шар в сторону матери, *некрасивая, но живая девочка...* сравнивали с Наташей Ростовою – прообраз Лолитки? Возраст влюбленности... И воспоминание, с которым мать лишь однажды со мной поделилась:

В дом привезли только что родившегося братика, все вокруг хлопочут, помогают, радуются, только отец стоит, повернувшись ко всем спиной и глядя в окно. Наблюдает закат? И тянется через всю комнату, будто ее перерезая, его длинная тень.

– Пап, почему не взглянешь на малыша? Он такой славный!..

– Потому что это не мой сын. – Его холодность и жесткость пугают и не вяжутся с привычным обожанием...

Даже до меня докатились легенды о том, как дед боготворил бабушку, называя ее не иначе как Масенька, был, видимо ласковым, ведь и дочке (моя будущая мать) тоже имя придумал – Рыбонька... Темная история, мои родители ее почему-то, и это долго меня удивляло, не касались, а я была любопытна, мне хотелось докопаться до истины, но знала я лишь, что ребенок вскоре умер и тем оборвал мучительные предположения, вот где сюжет зарыт, полагала я. “Кто теперь разберет?” – мне мать в ответ на мои расспросы. Слишком давно это было! Как же так: НатНик – не давно, а собственные родители давно? Невдомек, что у меня всё время ушки на макушке.

Чужая история – не своя беда. Капни, и увязнешь в собственной. Отец старательно поддерживая литературные беседы с матерью, ловко избегал откровенностей. Чтобы не выяснять отношения и ничего не менять? *Главное для меня – дом, наша семья, ты!* Да и матери, выходит, легче было смириться с чем-то в личной жизни мужа, чем расставить точки над и.

– Какая-то она у нас книжная, – мать однажды отцу про меня.

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожился.

– Прямо литературная девочка. Вся в тебя.

...Когда после ее смерти отец привел будущую жену, та не без гордости: «Мы с твоим отцом уже больше двадцати лет вместе!» – оказалась гораздо моложе матери, но и глупее, о чем заявил первый же ее подарок: кастрюля и сковородка. Сами собой прекратились беседы о литературе. А чего обсуждать? Ведь у родителей была единственная тема – измена. Может, потому, что в жизни ее невозможно принять?

Нет, я не бард, я другой...

– Нам никогда не узнать правды о Высоцком, тем более – о его смерти. Это как с Пушкиным или Маяковским: заткнули рты пистолетами...

– Но Высоцкого никто не убивал, – перебиваю мать.

– Для него нашелся способ попроще – водочка.

Мы с мамой, как всегда препираясь, стоим в дверях – выносят Беккер, рояль, на который наконец-то нашелся покупатель, мне безумно жалко с ним расставаться, но у матери другие планы: нужен хороший инструмент, у нее студенты, *их можно приглашать домой, а рояль не держит строй и места чёрти сколько занимает!*

«Мне нравится спать под роялем, – уговаривала я родителей, – дышишь звуками...» И вот прощаюсь с ним, а в руках, только что купила, гитара – единственная может сейчас меня утешить. Сяду в углу и начну брэнчать Окуджаву. Мать свое: «Знаешь, почему вы все млеете от Окуджавы? – Еще бы, я, как пьяная, ходила, напевая *Ель моя ель, уходящий олень (Ах, у дуба, ах, у ели* – передразнивал отец.). – Его легко повторить, не то, что Высоцкого, уникальное исполнение. Этим себя и погубил – узнаваемостью: голос под Армстронга, а музыка под рокеров (имеет, разумеется, в виду рок-музыкантов). Никто и не замечает, что великий поэт. Энергичный, бешеного темперамента, стихи не читает, как все, не напевает, как твой Окуджава, а кричит». Как Маяковский, невольно подумалось.

Высказывания матери виделись выпадами против моих вкусов и пристрастий: раз мне нравится Окуджава, выберет Высоцкого, – теперь поражают прозорливостью: «Его будут с Пушкиным сравнивать – по роли, которую сыграл в литературе». Я в смех: «Твой Пушкин превратил в злодея неплохого, наверное, человека – что

ему Сальери сделал? А он из него сюжетный ход, без которого пьесы нет. Обвинять огульно, чтобы драма получилась?» Кажется, матери карту бить нечем: «Да я о языке. Никто не видит, что Высоцкий очистил русский и наполнил современностью, а всё блатным называют». Не только блатным, но и похлеще: алкаш, наркоман, шпана подворотняя.

Ты возьми *хитрованца*... Откуда знал? – отец словно давнего знакомого встретил, с кем – и словцо имелось – хитрованил. – Я таким был – беспризорным, да кто сегодня помнит, где был знаменитый Хитрованский рынок, отчим вовремя меня с улицы забрал, плакала по мне тюрьма. И чтоб Высоцкий в ней не сидел?»

– Причем здесь твое сиротское детство? – не унимается мать.

– Но ведь так Высоцкий называл Польшу, – обиженно отец, – *Хитрованская Речь Посполита*...

– Ты уж помолчи со своим польским происхождением – дедушка на бабушке ведь не женился, а дитё прижил – твою матушку! – подтрунивала мать.

Отец разгневан: «В те годы аристократ не мог жениться на простой девушке, деревенской!»

– А Шереметев на крепостной женился! – встречаю я, глядя на портрет, что висит у нас в квартире на видном месте: красавица-прабабушка в русском наряде, маслом, прекрасной работы, под Тропинина, всегда считала я, пока однажды не услышала от электрика, пришедшего проводку делать: «Нет, здесь явная школа Брюллова с его любовью к вкраплениям красного...», – хоть стой, хоть падай.

Отец тосковал по Польше, в которой так и не побывал, и когда я там оказалась, решила навести справки: какой такой аристократ мой прадедушка Богусевич? А мне друзья: «Это известная фамилия, графская, потомков можно отыскать». – «Ну, в Польше все шляхетских дел мастера», – я не без иронии, но со сладким чувством близости: за нее, *сиротинушку*, мало кто заступался. Как тут не испытать благодарности к Высоцкому – поляки, увы, только это в нем и оценили – позицию, соорудив из нее легенду, а стихи, что ж, они непередаваемы – высший пилотаж языка! И всё же моя полечка Данута, его открыв, стала им – для себя, заниматься: цитировать, кажется, может справа налево, а биографию знает по дням, если не по часам, докопалась аж до татар в его творчестве, удивив и

самых татар, и исследователей. И как-то заметила, будто продолжая мою мать (уж не в наследство ли мне досталась, как кот в сапогах?): «Странное у вас отношение к Высоцкому: все его знают, но никто не понимает, о нем всё известно, но пошлое и тривиальное, будто авторская песня, от которой он был дальше, чем пианист Рихтер, чуть ли не от него пошла (нагромождение смыслов – путаница!). Разве дело в том, о чем его родственники стыдливо умалчивают, что умер Высоцкий от передозировки или отсутствия наркотиков, он не мог к жизни вашей приспособиться, всё – запрет».

Москва во время Олимпийских игр стояла забитая, как старая дача, ни одна ампулка не могла проскочить, будь хоть серой мышкой. Где взять? Но получив, наконец, требуемую дозу наркоза, который обычно дают перед операцией (нарколог обязан следить за больным, а тут среди его друзей таких специалистов не было), Володя затих, но вдруг захрипел, подавился своим языком. Если б моя мать знала, говоря о его языковом новаторстве, как символически он умрет – задохнется собственным талантом!

Любят повторять: судьба поэта начинается после смерти. Чепуха: продолжается и нередко в том же русле, что при жизни, продлевая казнь. Что за наказание? Пушкина – ох, заразила меня мать! – еще при жизни признали гением, что, однако, не уберегло его от трагической банальности: месть завистников была в самую точку! Вспоминаю, как однажды, налетев в библиотеке на своего старинного друга, пушкиниста Игоря Александровича Энгельгарда, слушала – поразила его догадке, абсолютно простой и вписанной в текст, – про Татьяну Ларину, которая не просто *в семье своей родной казалась девочкой чужой*, но и была ею на самом деле: мать ее повезли, вырвав из объятий любимого, к венцу с чужим и мало интересным Лариным, тот уже в годах и, хорошо всё понимая, простил грех – с кем не бывает? В те времена такое в свете было едва ли не нормой, правда, тщательно охраняемой: Анна Каренина не романом с Вронским возмутила – его открытостью! Пушкиннисколько не осуждал подобные нравы, пока не коснулось его лично, пока сам соблазнял в чужих салонах и раскидывал хлесткие, желчные эпиграммы, весельчак и балагур – жертва условностей. И по сей день звучит «Сходитесь!» – когда на Тверском бульваре видишь монстра: новый «Художественный» театр напротив «Пушкинского» прозвали-таки Дантесом, жив, курилка!

И всё же Пушкину везло: в России, где он был и просветителем, и романтиком, и реалистом, он с невероятной легкостью смешивал повествовательные жанры, формы, пласты: «арию» Ленского написал вроде бы от себя, и письмо Онегина Татьяне тоже, но за Татьяну спрятался, используя французский слог и не «онегинской» строфой... Егоза Пушкин чувствовал себя в мешанине французского с русицизмами как в воде, в которой его рожали. Ему достаточно было осознавать свой долг в том, что *милость к падшим призывал*, уходя в молитву Ефрема Сирина, а Высоцкому пришлось выбираться из этой мешанины (почему мешанина?), превратившейся в слякоть, глину, из которой хорошо пирожки лепить – не произведения искусства, и прощать, жалея *распятого Христа*. А кто жалел его?

Успех – еще не признание. Сколько ни ори, что ты не Байрон, то бишь не бард, что ты – это ты!.. – будут слушать, затаив дыхание, аплодировать до мозолей на ладонях, до дыр гонять пленку на магнитофоне и при этом доказывать, что не был профессионалом: в музыке – композитором, в литературе – поэтом, на эстраде – певцом, в кино и на сцене – актером, свой, в доску, как я – ты – мы – те самые, с которыми не повоюешь... Так и застрял для меня в дверях, из которых выносили Беккер, повстречавшийся с гитарой: кто кого?

А еще добавить про... вроде бы не совсем чистокровный, но для такого случая в запасе опять-таки есть Пушкин, предка которого – арапа Петра Великого, он так славно сыграл в кино, если, конечно, думать, как все: *чай Высоцкого, сахар Бродского* (по старой пословице, откуда выпало: *а Россия Троицкого*)...

Sapienti sat – умному достаточно.

Об авторах

Авалиани Дмитрий (1938–2003) – выдающийся поэт, создавший свой особый род визуальной поэзии – кинетические каллиграфемы. Сборники стихов: «Лазурные кувшины» (2000), «Я суц? – Тщуся» (2007), «Дивносинее свидение» (посмертное издание 2011).

Публиковался во многих антологиях и коллективных сборниках.

Галечьян Валерий – поэт, прозаик, график. Родился в Ленинграде.

Библиография: «Аналитическая поэзия. Сборник поэм. (1991), «Манифест». Сборник поэзии (1994). «Буддийский дневник». Сборник поэзии, компьютерная графика (2004). «От и до...» Сборник поэзии, графика (2004). В соавторстве с В.А. Ольшанецким книги: «Страна роботов» Сказка (1990), «Взрыв». Повесть (1990), «Месть зэка». Роман (1993), «Четвертый Рим». Роман (1994), «Византия». Роман (2004).

В 1995–2010 годах на персональных и коллективных выставках в Санкт-Петербурге и Москве представлено более 500 произведений, выполненных в традиционной и компьютерной графике.

Живет в Москве.

Коблер Эсфирь – прозаик, критик, эссеист.

Библиография: книга эссе «Истоки европеизма» (2007, изд. второе доп. 2009), книги прозы «Время разбрасывать камни» (1999), «Плоть времени» (2009). Автор и руководитель интернет-проекта «Россия – далее везде».

С 2000 по 2009 год печаталась в журналах: «Истина и жизнь», «Вектор творчества», «Литературные незнакомцы», «Мост», «Стороны света» (США), «Край городов», «Рефлект» (США), «Арго», альманахах «Лира», «Диалог», «Комментарии», «Меценат и Мир», сетевых журналах «Топос», «Вечерний Гондольер», «Точка зрения».

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Кольмагин Борис – поэт, эссеист.

Автор книг: «Прогулки» (2004). «Крымская экумена: религиозная жизнь послевоенного Крыма» (2004), «Искушение культурой» (2008), «Сталинской премии архиепископ» (2011).

Печатался в журналах и альманахах: «Черновик», «Крещатик», «Арион», «Октябрь», «LiteraruS – Литературное слово», «Меценат и Мир» и др.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Б. Констриктор – поэт, прозаик, художник.

Книги стихов и рисунки: «Стихотворения» (1993), «Конец цитаты», «Уголовник» (графика) (1995), «Стихограф» (совм. с Р. Элининым) (2003), «Записки неохотника» (2008), «Слова и рисунки» (2010).

Публиковался в сборниках самиздата, антологиях, в коллективных сборниках, в альманахе «Черновик», журналах «Крещатик», «Меценат и Мир», «Арион» и др.

Участник многих коллективных выставок в Ленинграде–Петербурге, Москве и за рубежом.

Член С.-Петербургского союза литераторов. Живет в Петербурге.

Кузьмина Наталия – океанолог, литератор. Книги стихов: «Издаেলা и вблизи» (1999), «Nymphalidae» (2005), «Последовательности» (2011).

Проза и стихи публиковались в журналах «Арион», «Соло», «Крещатик», «Футурум-Арт», «Меценат и Мир», в альманахах «Черновик», «Тритон», «То самое электричество», «Солнце без границ»; в антологиях «Очень короткие тексты», «Жужукины дети», в электронном издании «Лавка языков» и др.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Лаврухин Александр – художник, эссеист, поэт.

Персональные выставки в музее-квартире А.Н. Скрябина, в музее-квартире М.А. Булгакова, во многих галереях и музеях Москвы, Петербурга, Перми, в музее М. Шагала в Витебске, также в Доме российской культуры в Вашингтоне. Публиковался в различных коллективных сборниках и журналах.

Издания: «Поиски плохой погоды» (2000), «Не столько Петербург» (2002).

Член Московского союза литераторов. Член Творческого союза профессиональных художников. Живет в Москве.

Мельников Вилли – поэт-экспериментатор, работающий со многими языками, фотохудожник, также снимается в кино. Разработал свою методику изучения языков (лингводайвинг). Стихи пишет на всех языках, которые изучает (знает больше 100 языков). На русском языке часто использует так называемую муфталингву.

Автор сборника стихов «Фобософия» (2004).

Участвовал в различных выставках со своими лингвогобеленами, фестивалях верлибра и визуальной поэзии.

Живет в Москве.

Михайловская Татьяна – поэт, прозаик, литературный критик.

Сборники стихов: «Вечерний свет» (1982), «Солнечное сплетение» (1995), «То есть» (совместно с Р. Элининым, 1998), «Парад-алле» (2005),

«Отражения в воде» (2009), «Земные времена» (2011); сборник рассказов «Ерундопель и другие...» (2009).

Публикации в отечественной и зарубежной периодике: альманахе «Черновик», журналах «Меценат и Мир», «Нева», «Крещатик», «Арион», «Арагаст», «Кукумбер», «АКТ», газете «Русская мысль», в различных антологиях и сборниках.

Автор выставочного проекта «Дом со стихами» (выставки в Государственном музее В.В. Маяковского (2001), в Государственном музее декоративно-прикладного искусства (2006)).

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Ры Никонова – поэт, художник, занимается визуальной поэзией, одна из основателей российского мейл-арта.

С 1965 г. участник и организатор независимых выставок авангарда в СССР и за рубежом. Публиковалась в специализированных изданиях по современному искусству в Германии, Австрии, Италии; с 1991 г. – в российской периодике. Организатор и автор (совместно с мужем Сергеем Сигеем) самиздатовских журналов «Транспонанс» (1979–1986) и «Дабл» (1991).

Публикации в журналах «Черновик», «Крещатик», «Urbi» и др. Лауреат Премии Андрея Белого (совместно с С. Сигеем) за 1998 год в номинации «За особые заслуги».

Библиография: «Студент Иисус: Упоительные комментарии». (2001), «Слушайте ушами»: Пьесы, проза и пьютмы (2011).

С 1998 года живет в Германии.

Осипова Наталья – поэт, прозаик.

Библиография: «Несколько рассказов и стихотворений» (2001). В коллективных сборниках: «Авторник» (2002, 2005), IX Московский фестиваль свободного стиха. (3-4 мая 2002): Русский верлибр и итоги века. Стихи участников фестиваля. Москва. Московский государственный музей Вадима Сидура (2002). «По непрочному воздуху». По следам XI Московского фестиваля верлибра. Москва. Словацкий институт, 29-30 мая 2004, «Актуальная поэзия на Пушкинской-10: антология» (2009), «Перекрестное опыление. Антология одного стихотворения» (2011).

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Сафранский Валерий – поэт, прозаик, фотограф.

Активное участие в деятельности литературного объединения при Хабаровской писательской организации было пресечено совместными силами СП и КГБ и закончилось лагерным сроком.

С 1987 года член московского клуба «Поэзия».

Библиография: «Фрагменты не бытия» (1994) и «Возвращение Нарцисса» (1995).

Публиковался в российской и зарубежной периодике. Лауреат международного фестиваля свободного стиха «Европейский дом» (1989). Участник поэтических антологий. Составитель и автор сборника верлибров «Европейский дом». Автор и организатор коллективной литературной манифестации «уникалистов» совместно с Г. Сапгиром, В. Куприяновым, Н. Искренко, Л. Кропивницким, и др. (1993).

В начале 90-х издавал международный поэтический журнал «Воум!».

Член Союза писателей Москвы. С 1995 г. живет в Германии.

Тат Андрей

Поэт, прозаик, фотограф, художник.

Публиковался в самиздате, в антологиях самиздата, в альманахе «Черновик», в коллективных сборниках.

С конца 70-х живет в США.

Твердислова Елена – поэт, прозаик, литературовед, переводчик.

Канд филол. наук. Автор двух поэтических сборников, романа «Рисунк тени», книг о Папе Римском Иоанне Павле II, Чингизе Гусейнове и Филиппе Вермеле, исследований о В. Гавеле и Ф. Горенштейне.

Переводчик с польского сочинений Иоанна Павла II, философии Юзефа Тишнера, прозы М. Хласко, И. Ольчак-Роникер.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Юлина Наталия – поэт, прозаик.

Сборники стихов: «Закатный бес» (2002), «Зеленая луна» (2009); книга прозы «Чужая» (2006). Проза публиковалась также в антологии «Очень короткие рассказы» (2000), сборнике «Литературные страницы» (2007), журнале «Меценат и Мир».

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.